

НА ИСХОДЕ ДУШИ

(миф)

РЕКА

Она течет в океан. Прозрачная, ласковая, чёрная, печальная, серебряная, ледяная. Зубы ломит. Кувшинки, пескари, лотос. Сперва проступает росой. И дерево... Сладкий запах мертвой листвы. Дым уходящей весны. Да... Змеи, корни-змеи... Надменные коты ходят по тяжелым оранжевым веткам, сидят серые птицы. Не насиделись... Воробей, пеночка, чижик. Огненный грифон.

Когда Юлька была маленькая, пух на голове, мы сидели на ветке и ели горох. Гороха – полные карманы. Стручки кидали на землю, где одиноко стояла наша лохматая собака Сима, Сэлви-джи. Рыжая. Зелёное дерево на холме из белой глины. Там глину добывали когда-то давным-давно. Остались ямы с травой и карасями. Теперь мы ходим иногда недлинной дорогой на Белую Глину.

В избе тепло, люблю топить печку ночью, чтоб затрещало, заиграло по стенам – под это и уснуть. Окна запотели, а там, за ними всё свищет, щебечет, поёт, кукует, качается, капает... Урал, июньские холода... Положили кота поперек живота. На давальческих началах... Мой нелепый Борис неумоимо ходил нынче по высокому берегу, а внизу плавал на лодочке весёлый мужик. Из воды торчала зелёная трава. Солнце... Босичком по мелководью... Парное молоко.

Во время ходьбы по мелководью можно сочинить маленький философический трактат: «Корни – посланцы неба там, в глубине. Ветки - понятное дело... Они извержение земли. Ствол вместе с нами в злосчастном мире. Средоточие. Но сам по себе он просто бревно... А? Покой реки – это дерево. Бытие... Движение дерева – мутные воды реки. Становление». Почему бы и нет?

Жарко. У избы с капельками желтой и прозрачной смолы в трещинах горячих бревен мрачно сидит хромой. Глаз под бровями не видно, деревянная нога. Сидит с сапожницей лапой и починает чужой ботинок, а в это время старуха в недрах двора... «Устала, а помереть не могу... Зимой воду носить... Лёд». Зимой страшно ходить по скользкому льду старыми ногами. Старуха в сумрачных недрах двора продает белое молоко по тридцать копеек за литр. Как в городском пустом магазине. А качество? То-то... Нечего сказать, молоко вкусное. Но надо ли так сразу...

ЯМА

Ионе сказали: собирайся, ступай... надо проверить факты. И он собрался в командировку, арендовал дирижабль... Или осла... или...

Я собралась посуду мыть, а мой Боречка-Борис бездумно валялся возле забора на раскладушке. Или полоскал на речке бельё? Собака лежала в тени, не зная, что под ней, в сумрачных глубинах... Все время надо держать ухо востро. День за днём. Вот – прибегают дети на речку и говорят: там что-то возится и хрипит. Ну пойдем. Босиком по колючим шишкам, по неуспевшим убежать муравьям. Заглядываю вовнутрь, в мрак, в тьму кромешную. Ничего не видно, но потом глаза привыкают. Воздух здесь сырой и прохладный. Землянку построил сын Кузеванова и покрыл её чёрным рубероидом. Она в огромной яме – там, внизу, где черёмуха и сосны, где когда-то добывали бурый железняк.

- Это же поросята, – говорю я детям.

Но как они сюда... Их Копа Рыжий украл? Придёт ночью, чтобы забрать, а мы их уже отпустили. Бегите на волю, в лес, на ветер. На ветер! Все так легко. Не мои ж поросята. Так легко принимать решения, не думая о последствиях.

Поросят пришлось ловить и кидать через порог. Они тут и сидели только потому, что порог высокий. Здесь темно и душно. Господи, чего ж волноваться. В лесу сухо и цветет земляника, звенят комары, и кто-то все время ползает по серой и коричневой хвойной подстилке.

Копа украл поросят на ферме у серых холмов. Создается ложное впечатление, будто река вытекает прямо оттуда. Она течет меж крутых берегов, которые справа и слева, слева и справа, спра... Она по-прежнему пахнет рыбой и несъедобной травой. Её не одолеть? Надо все как один... Хромой забивает гвозди, и звуки ударов прыгают над деревней.

БОЛЕЗНЬ

А тут заболела Мария. Чистила пескарей, босиком на холодной земле постояла. Отвыкли? А там, в сумрачных глубинах... Мать-сыра земля, лоно, змея. Бездна? Птицы и змеи. У неё мучительно болит горло с давно выдранными миндалинами. Ларингит, фарингит... Что ж... Говорит: чувствую, что простужаюсь, но всё равно стою.

Кроткие легче переносят болезни. Они тихо лежат в уголке кровати, не лезут на стену. Помогает мольба? Молитва. По крайней мере, некогда так полагали. Сила выворачивает наизнанку. Лучше отдайся, мол, температуре и не препятствуй естественному ходу вещей. Дурак, начитался трактатов. Ах, Мария, трудно глотать, всё болит, скомкано одеяло.

Спустя много лет... Но разве это много – четырнадцать? Бездонный океан. Она не вставала два месяца, от метастазов сломалась рука, а потом потеряла сознание. Есть люди... и даже пронизательнейшие врачи... Они хотят пройти через тяжкую хворь и после умереть, потому что чают преображения. Не все ж успевают понять такие простые вещи: «Все дорогие мои, кого я знала, простите меня, я так часто обижала вас. Но у всех в слезах прошу прощения. Я вас очень люблю. Ваша Мария... Всё добро, самое малое, – помню, и благодарю за самую малость». Это в конце, второго августа, перед успеньем. Мы ведь ещё не знали, кто успеет написать последнее слово.

Написала Мария в тот день, когда множество лет назад скончалась от рака её нестарая бабушка. Лёнчик, подросток, сынишка, ловил ей рыбу на Шарташе. Для жиденькой ухи. И ногу разбил, она вспухла, на Ивановское кладбище повез извозчик. Тысяча девятьсот двадцать седьмой свирепый год. А сейчас... За окном шумели мокрые листья, гремела гроза. «Боречка, я умираю... Сердце... Только не вызывай скорую». А у скорой-то и нет таких лекарств, как у меня... Ей тогда уж наркотик выписали. Анфин, без всяких грёз и видений. Только потом иногда промедол. Однажды увидела себя опять молодой и прекрасной... «Странно, говорю сейчас с тобой и одновременно вижу: гуляют люди... бегают ребятишки... а я сижу на краю бассейна, бьёт фонтан, я болтаю в воде ногами... Ты где-то рядом». Лежала уже неподвижно, ноги давно отказали. Я всё подкладывал под них какие-то тряпочки, всё устраивал поудобнее. Мы с ней прожили еще месяц, до второго холодного сентября. После Успенья Богородицы потеряла сознание. Оно уходило тихонько, глаза ещё понимали и плакали, когда пришёл сын.

Я могу теперь только повторить: все дорогие мои... Думал: душа моя большая, но оказалась маленькой. Посмотрел на себя с белого облака: о, если бы ты был холоден или горяч... тако, яко обуморен еси, и ни тепл ни студен, изблевати тя от уст Моих имам.

Мечтал уйти на тот берег первым. Мария сердилась, слышать не хотела. Чуть не убили потихоньку. Исподтишка. А Юру вот недавно ударила машина, сломана в голени нога, повреждены ребра, оскольчатый перелом свода черепа, тяжёлый ушиб мозга. 1993 окаянный год... Машина тут же врезалась в железную трамвайную опору номер 33. Умер через неделю. Он был редактор газеты. Мария говорит: иди, защищай её в Ленинском районном суде, чтоб не закрыли. Пошёл... политик. Греческий полис, французский политес. Чтоб не подумала, будто струсил. Лежал потом головой в тарелке с квашеной капустой. Камфора, тёплый укол. Почему-то не сумели отправить на тот свет. Доза не та? Или спецсредства использовали недоброкачественные? Разгильдяи... С двух раз не управились.

Но кто бы её-то сопровождал, оплакивал, провожал. Уколы, воспалённая плоть, мучительный туалет, не сгибаются ноги, гнойные бинты. Говорят, это не гной. Кто бы её пожалел и поцеловал на прощанье. Пойдем, когда сами... А? Успевайте любить и прощать, пока не позвали через порог.

Мы все крещены в этом храме Иоанна Предтечи. И венчались. И панихида перед амвоном, где когда-то стояли на белом... увенчанные коронами. Смертная мука в глазах. Дважды замешкался с уколами, потому что боль приходила внезапно. Шепчет: говори молитву Честному Кресту... И что ещё мог сказать? Потом, когда она лежала в беспамятстве, всё-таки хватило ума зажать истерику, лихорадку и много раз прочесть канон... прочесть канон... от человека, который теперь сам не может говорить: обыдоша мя мысленнии рыкающе скимны и ищут восхитити и растерзати мя... Устне мои молчат и язык не глаголет но сердце вещает... Душе моя душе моя востани что спиши конец приближается и нужда ти молвити: воспрями убо да пощадит тя Христос Бог... Что она видела перед смертью?

Недавно увидел сон: долговязая девушка в чёрном длинном пальто стремительно идёт через дорогу, мне наперерез, а потом скачет сзади, как лягушка. Сидит на корточках и скачет. Я оглядываюсь тревожно, а она:

- Приглашаем завтра к нам на встречу!
- Что делать?
- Лежать.
- Лежать?
- В венках...

Можно возлежать на ложе или в деревянном гробу на столе. А как помирать без сознания? Скажите всё за меня. Лирика. Да? Но ведь жанр такой: иносказание. Стихотворение в прозе. Или всё-таки миф? Миф и логос... В жизни, конечно, проще. Отвернулся к стене и помер. Унесли и зарыли. Ни креста, ни свечи, ни скорбной панихиды до скончания века, до Страшного суда. Подаждь Господи оставление грехов всем прежде отшедшим в вере и надежде воскресения отцем братиям и сестрам нашим и сотвори им вечную память.

А тогда, давным-давно, пошел в медицинский пункт по бревну через речку. Зелёная вода. Водоросли – длинные щупальцы, шевелятся и текут. Как-то всё тут... Иона ходит по берегу, хромой забивает гвозди. Матрёна костыляет наперерез. Из окна увидела?

ДУРАК

Надо бы сразу всё объяснить. Сразу всё рассказать, а уж потом показывать фокусы, загадки загадывать, чрево вещать. Сначала нарисовать план, схему, и только потом жить. Шаг назад, шаг в сторону – считается побег.

Но жизнь загадочна. Гораздо загадочней текста. Гадай, выгадывай, не прогадай. Фантом, пена, поверхность? В деревне появились цыгане. Сняли дом за рекой, в огороде под черёмухой разбили шатёр и спят там на перинах. Рядом привязана краденая болонка и валяется в траве телевизор. Они знают линии жизни, но не имеют смысла. Может быть, есть на земле... Полус?.. куда линии стекают с ладоней. Из него растут лотос, река или вечное дерево, а рядом, возле, сидят старые мойры, парки и норны, прядут нити судьбы. С ножницами? Река времени и вечное дерево. Ашваттха, пиппал. Его корни уходят в бездну, а ветви – туда, туда... До нашей эры в ныне цыганском доме жил барин. Зимой и летом ходил в шубе и валенках (может, врут?), ничего не делал и курил трубку. Его и прозвали барином. Да что там... Судили: лба не перекрестит.

А на том берегу Иван Трофимович хотел бы создать музей. В этом храме были сушилка и зерносклад. Если дух, мол, из него вышибли начисто, то оболочка, брэнное тело все равно на что-то годится. Закопченные лики святых. Скорбные глаза. Они, мол, там людей морочили, бывшие семинаристы. Обряды и песнопения. Крестьяне, видите ли, приезжали в праздник на телегах и возле церкви надевали новые калоши. Потом нечистая сила возмечтала стену взорвать, чтобы грузовик мог въехать. Ренессанс. Но почему-то не получилось. Везде нужны определенные навыки.

Говорят: ну и дурак! Умники... Ничего, это всё не к спеху. Пусть он пока этот храм реставрирует. После разберемся. А Иона всё ходит по берегу. Всё-то ему интересно: и храм, и плотина, и дом Матрены, и мёд хромого, и моя Мария. Она недавно заболела, каких-нибудь триста лет. В эпоху Петра Великого. Шучу, конечно. Я тогда ещё шутил. Когда всего-навсего фарингит, отчего бы, мол, не пошутить. Шутник. И я пошел через реку. Душа-невеста. А тут и Матрёна. Серая, в платочке, глаза сухие.

ПЛОТИНА

Этот мужик, который плавает на лодочке... Мы-то знаем, отчего он такой весёлый. Предвкушает. Насыпал плотину рядом с избой, чтобы прямо из окна на своих уточек... Жена подсказала? Ах, несчастная Ева... Сатана? Эпоха возрождения чего-то гастрономически вкусного... Ренессанс. Не дурак однако. Сын на самосвале работу работает. Если б он знал её имя... Оно потерялось в веках. Последние триста лет ей готовят одно назначение – духовка, горшок. Уточка Каршиптар, вестник, живущий землёю, водою и небом... Три недели самосвалы ездили. Обещал директору карьера: буду, мол, кормить тебя сазанами. Бредень купил, лодку.

Вечное древо, трава-мурава, река и ветер... Небо, корова, крыша и океан. Лотос. С неба жутко глядит кровоизлиянный глаз египетского Рэ. Но об этом все давно позабыли... Кровожадное око, оно

же злобный Урей, богиня Хатхор, Маат, попросту – солнце, ясное солнышко. Даже во время затмения на него смотрят сквозь закопченное стекло.

Конечно, запруду можно сделать. Жрать-то всем хочется. Пусть рыба там плавает, утки, жирные гуси, водоросли сине-зелёные. Но храм-то причём... Впрочем, мы его реставрируем. Это такое египетское слово. По-русски – восстановим, сделаем как было, будем по нему в тряпичных тапочках ходить.

А эти розовые поросята весь лес кругом перепахали. Пятачки такие нежные, никогда бы не подумал. Два поросёнка... Лучше бы их Копа Рыжий съел, дабы свершилось должное. Весь ландшафт испортили, лес стал мерзким, и грибы не растут. Но это потом. А пока Матрена мне говорит: –Я ведь лучше фершалицы. Ох Матрена Емельяновна, я не знаю... Спасибо, приходите. О заре? Я все-таки пока схожу за димедролом. Думает: мы ей поможем.

Вдоль дороги избы. Пыль... Ямы, гребешок со сломанными зубьями. Кто успел – уехал. Прокати нас, Петруша, на тракторе... У медпункта муж фельдшерицы чинит железный мотоцикл вместе с двоюродным братом и её свекром. Дайте мне мой димедрол, а сами что хотите. Вам все равно скоро пить ее, проклятую. После починки. Хотя, может быть, и не почините. Они такие: ничего не починят, а чужую водку все равно пьют.

Можно, правда, на все смотреть сквозь пальцы. Если на свет, то меж пальцев светится розовым. Он шевелил розовыми пальцами. А в это время физики-музыканты из икон лучину щепали. Чего с них взять. Убогие.

А нам же еще не разъяснили, что это всего лишь искусство и эстетика. Не для спасения души. Читать научились совсем недавно, в позапрошлом веке, объявления читаем: «предлагается сдать в срок...» Сдать имущество то есть. Корову и куриц. Коллективизация. Голод и бойня. Воробьев, как только грамоте обучился, сразу же письменно объяснил Ионе про Данилу Степаныча. А как же, тот в прошлом годе... А до этого вполне приличный человек был. И там всё перепутал, всё переврал, фамилию неправильно написал. Вот ведь какое дело. До сих пор хромой сидит с сапожничьим молотком цел и невредим.

СУДЬБА

Однако всё не так просто. У него за избой, за сараем, за погребом – пасека. Ульи, соты и пчёлы. У Матрены крыжовник, малина, смородина, но её цветущая липа корнями в его огородах. Намеки? Конечно, это неправда. Там всего один корень. Другой на том берегу, и я не знаю, где третий... От пчел нет отбою. Всем другим наплевать, а он по краю оврага ходит деревянной ногой и косит корове сено.

Я еще там посмотрю, чего-то не понимаю. Усмотрела бы давно, но пёс и пчелы. Это вам не цыганская болонка. Впрочем, цыгане на том берегу, а хромой – рядом с Матрёной. Водой не разольешь.

Она здесь когда-то бурый железняк на телеге возила. Еще в тридцатые годы. Не знаю, чем хромой тогда занимался. Давно ушедший Зрван, древне-благоуханное персидское время. От него де нам златое добро и железное зло. Так ли? Персики... Путаются слова под ногами: джет, димедрол, горячий зрван, розовые поросята. Всё смешалось, перепуталось, строит глазки... Где Борис, где Мария? Даже в этом тексте не разделить. И будут два одна плоть. И дерево жизни посреди рая и дерево познания добра и зла. Из Едема выходила река... и потом разделялась... Фисон... Гихон... Хиддекель... Евфрат... Не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь... И сказал змей жене: нет, не умрете... И поверили дьяволу, а не Богу. Поверили. И скрылся Адам и жена его от лица Господа Бога... Проклята земля за тебя... И поставил на востоке у сада Едемского Херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни.

Нет жизни у сатаны. Маска, морок, водевиль.

Мы с Ионой когда-то в университете учились, зубрили «Капитал» и жреческий кодекс. Потом иногда он спускался с облака в промышленный и строительный наш отдел, где мы с Геной иногда сочиняли в условиях развитого социализма рукописный журнал «Стойло Пегаса». Ипокрена. Корриганы... Олег Капорейко приносил роскошные фотографии с деревьями и птицами. Зелёные деревья и синие птицы. Чёрно-белые?

Сейчас Иона по берегу ходит, а потом вернётся к нам ночевать. А о заре придёт Матрёна Емельяновна лечить Марию. Или Бориса? Может и вылечит. Правда, болезнь, по-моему, сугубо физическая, а ей бы всё душу... Или я ошибаюсь? Кто лечит душу? Только хромой её к себе не пускает. Говорит: я всё мёдом лечу. Прополисом.

От реки пошла по зеленой равнине. Здесь когда-то капусту сажали, а сейчас покосившиеся волейбольные столбы, воздвигнутые инопланетной цивилизацией. Баальбек... На крутой горке, у самого леса – наш дом. Полвека назад лес выгорел. Ну что ж,росло с тех пор... Дом старый, но ещё держится. Один угол ползет на восток, другой – на запад. Труба пристально смотрит в зенит, подполье ушло в преисподнюю. Всё как положено. Чуть ни каждый год приходится возить сюда чёрный рубероид и латать крышу. Борис ездил однажды за ним в соседний городок, и теперь он запомнил на всю жизнь белые столбы облаков над Сухим Логом. Судьба, фатум, ананке, рок, океан. У шумеров «нам» – океан и судьба. Соображали... Только ведь Бог опрокидывает все построенья судьбы лёгким шепотом ветра.

Когда-то рядом стоял дом побольше, гораздо, гораздо... Но его украли. Ах, это было до нашей эры. Мой дед Димитрий приехал случайно на рысаках и говорит: «Ну, знаешь – вот это место!» Река и белые скалы. Альпийские астры. Богородская трава... Простор. Он где-то в страховом обществе служил. Страховал от сумы, от тюрьмы, от испанки и тифа. Сыновья тут же под бережком плескались, в песке изумруды искали. Потом один Беломорканал строил, а Семён чуть не потерял левую руку на белом бронепоезде, осколком вырвало бицепс, и всего-то полгода отсидел в тюрьме ВЧК. В конце концов уехал с сыном из Города, работал экономистом на мельзаводе, потому что изменила жена.

Я однажды к нему убежала из пионерского лагеря вместе с подружкой. Бежали по длинной лесной дороге. Запнувшись, скакали на одной ножке и чего-то шептали. Молитву. Спали у дяди на сеновале в зелёном колючем и мягком сене, а потом поехали назад на телеге все вместе по песчаной дороге и очень протяжно и задумчиво пели грузинскую старую песню. Сулико? У дяди по щекам текли слёзы...

Как дядя мой любимый Сенечка грузди умел искать – на ровном месте. Он помер в больнице – без памяти, за деревянной доской. В июне 66-го. Я недавно тоже пыталась искать, но теперь всё свиньи перерыли, перепахали, весь лес перевернули. Воплощение смуты. Тифон... Гибрис... Высокомерие и дерзость. Хоть бы Копа поймал их в конце концов.

ПРОКЛЯТЬЕ

Иона пришел преждевременно.

- Я хочу прописать ей змею-джет, – сказал он, когда я потчевал жену димедролом. – Но надо знать, что она суть Урей на лбу царя, око Хора и утренняя звезда.

Шутник. Мы вместе учились в университете. Или я что-то путаю? Он растолстел с тех пор, бедняга. Спаси Господи и помилуй ненавидящая и обидящая мя и творящая ми напасти...

Соседка, чье молоко мы пьем, посоветовала нарезать листьев мать-и-мачехи или лопуха, потому что Мария стала кашлять. Хрипы в груди, а сок исцеляет? Все кругом в роскошных изумрудных лопухах и крапиве, но лучше отойти подальше от жилья. А димедрол есть димедрол, формальная логика, закон тождества – в отличие от утренней звезды, которая так многозначна.

Матрена пришла о заре. Тоже словечко... Я сразу и не понял, и Маша – тоже. Об утренней или вечерней? Луна – тоже глаз, между прочим. Левый глаз, ночь, вода, смерть. Она должна обновиться, чтобы заговор стал удачным. При полном ущербе луны.

- Сокруши его который возвращается на третий день и того кто прерывается на третий день и кто продолжается непрерывно... Сокруши холодного и горячего и осеннего и приходящего летом и в дождь... Пусть примчится тысячеглазое проклятье ищет того кто нас проклинает... Ступай проклятье обойди нас...

Чертит свиной челюстью и бормочет, а меня с ними нет, потому что я вышел и хожу с собакой у сосен. Мои дорогие, надо бы вам знать: Мария здесь на земле была резкая и неистовая, добрая и своевольная, милостивая и непокладистая. Щедрая. Она была здесь солью жизни, её перцем и лавром, вишнёвым листом. Ведь это само по себе почти несъедобно. Но как без соли и лавра? Тошнёхонько. Господь её любил. Ах, не была она тёплой никогда, но лишь холодной и горячей. И Он позвал её, очистив

последним и страшным очищением. Так она и шептала даже в глухом полузабытьи: претерпевший до конца спасётся.

Брошенное поколение, зрачки от рождения в катаракте. Сколько кругом призраков. Нам бы знать: только покаяние в своих собственных грехах, а не заговор... И Божья помощь в таинствах Церкви. А здоровье и покой... Зачем? Все дни наши прошли во гневе Твоем, мы теряем лета наши как звук. Дней лет наших семьдесят лет, а при большей крепости восемьдесят лет, и самая лучшая пора их – труд и болезнь, ибо проходят быстро... и мы летим... яко прииде кротость на ны, и накажемся.

Убойся бежи бежи разлучися демоне нечистый и скверный преисподний глубинный льстивый... Или сам собой получился еси или от кого послан или нашел еси внезапно или в мори или в реце или от земли или от кладезя или от стремнины... Или от луга или от леса или от древа или от птиц или от грома... Убойся воплощенного Бога подобия и не сокрыся в рабах Божиих Борисе и Марии, жезл железный и печь и тартар и скрежет зубовный, отмщение преслушания тебя ожидает... убойся умолкни бежи и не возвратися... отъиди в землю безводную пустую неделанную скорбную.

Это в чине изгнания беса (он ведь у каждого за левым плечом). Требник Могилы. Здесь нужен иерей, постник и молитвенник, – не врач, не Матрё... Но ведь это же тысяча девятьсот восьмидесятый год. Если нет Бога и бессмертия души, то всё позволено.

Проклятье? Разрыв... на очах пелена... душа не слышит дыханья... дуновенья... тихого ветра. Сами порвали нити, ниточки... паутинки. А теперь бредем ощупью к незримому притвору... нищие на паперти... подай, Господи... Небо на земле. Нежное и теплое на холодной равнине. Маше в храме становилось легче, даже физически легче. Когда же мы встретимся?

Валяюсь на старой кровати с тёплой кошкой на животе, а она подходит и спрашивает: Боречка, ты меня любишь? Смеюсь: ну как, мол, тебе сказать... Боялся соврать, обмануть. Смеялся, ёрничал, но оказалось – приберегал на чёрный последний день. На смертную муку. Бог исторг из меня тогда наконец единственные слова, без которых страшно уходить человеку. Как бы мне остаться навсегда с этой правдой. Хватило души затеплить последнюю свечу в холодном уходящем мире.

Чем кричать, если сел голос? Одно к одному: Иона, ларингит и плотина. Правда, плотина – несчастье Матрёны. Это ей река бьёт теперь прямо в берег: земля сыплется, сыплется... Скоро дом упадет прямо в реку: доски, бревна, старые лавки... Когда? Зрван, время, судьба, о чём ты думаешь? Плотина уже была, только сотнею метров выше. Сколько в метре саженой? Там была мельница, мельник молот муку. Но утки должны быть видны из окна – только высунуть голову. Даже бульдозер пригнали.

Правда, директор карьера умер. Начальник, товарищ, господин... В зелёной фуражке. Плотина от берега к берегу, насыпали в самом широком месте, перед черёмухой, где цыгане с болонкой, а пруда нет. Плотина, Плотин, Платон... Миф о пещере. Тени на стене. Там ведь не просто – щегня насыпать. Щегня насыплет любой дурак – были бы самосвалы. Нет, всё дело в стоке. Весна, половодье... Тут надо остановиться и подумать, если есть такая возможность. Иван Трофимович как-то пришел к директору. Ему надо кровельное железо, олифу, гвозди и так далее.

- Вы же знаете: реставрируем храм. Нет? При чем тут Парфенон ... В конце концов, с каждого всё равно спросят. Не только на кладбище.

Каждый услышит Слово – здесь или на том берегу, рано или поздно. Логос. Он будет судить нас последним судом.

Когда полвека назад, в тридцатые годы, исчез отец, ходили вдвоем с сумой: Иван и его брат. В своей деревне не побирались; возвращаясь домой, опускали глаза. Слов тогда не искали, всему научила мать: подайте Христа ради... Сколько с тех пор сломалось и выросло. Сделал в храме музей. Все-таки не конюшня. Кресты хотел позолотить, но не получилось. Всё время потом жалел: ах, что-то упущено. Было бы так красиво. Душа просилась остаться в памяти, но пока не сознавала бессмертья и мечтала воплотиться. Но была бы душа...

Вдруг слышу звонкий звон колокольчика. Прибегаю, а Мария шепчет: «Боречка, где ты... Время уходит, а тебя всё нет». Но я пока близко – пошёл на кухню ей водички согреть. И всё-таки время уходит...

ЗВЕЗДЫ

Утром пошел к Матрёне. Иона остался у берега. Что ж, каждый решает сам. Время неудержимо, и надо успеть поставить Матрёне забор, чтобы вдоль берега не ездили на железном тракторе. Она хочет отворотить неотвратимое. Хочет сохранить эту полоску земли от дома до берега, который всё время ползёт. Плотину завернул весёлый мужик? Чтобы снести её тёплый дом. Но этот вывод ошибочен. Просто эпоха вывернулась наизнанку. Бес шутит. Просто нужен поблизости пруд, чтобы высунул голову – и пожалуйста. К тому же «Капитал» и каббала...

- Здравствуйтесь, Егор Андреевич. Вот я к Матрене пошел... Вдвоем, конечно, сподручнее...

Но там хромой деревянной ногою скрипит. А с другой стороны, прямо у обрыва, сидят за столом и играют в картишки. Солнечно, знойно. Егор утирает пот. Его мать перед смертью завещала давать нам картошку. Прекрасно, да... Молоко и картошка, небо и облака. Нут, небо-корова, утром глотает бледные звезды, чтобы извергнуть их вечером. Свинья... Свинья, пожирающая поросят, – зовут ее небожители. Это всем известно. Но это – не научный подход. Просто днем слишком ярко светит солнце, так что не видно утреннюю звезду.

- Они говорят: ну ладно... Всё утащили. И валенки, полушубки, и радиолу из красного уголка. Как бы списали... Ах ты петь твою за ногу. Ну ладно. Я же смотрю кругом – ничего нету. Тогда я досок набросал на телегу и повёз братану. Они там всё равно четыре года валялись, сгнили наполовину. А он кричит – ты бы дальней дорогой, мол, всё-таки... Вот ещё... На хрена это надо. Конечно, извините.

КОРОВА

Мы с Егором ходили туда и сюда. Хромой ругался с Матрёной. Дело житейское. Бывает ли ненависть без любви? Любовь без ненависти? Какая глупость... Пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нём.

А где корова будет ходить? В самом деле. Тут же не только тракторы ездят. Здесь ходит Аудумла. –Я освобождаю вас от ненависти нетерпенья страха да будете вы едины сердцем радуйтесь друг другу как корова радуется теленку... Гандхарам муджавам ангам и магадхам... Корова есть называемое бессмертием и корова почитается как смерть... Только тот кто знает эту великую тайну... Ан-ти-но-ми... ческую тайну... Тайну... Да у них там всего-навсего корова. Да?

Ну давайте же делать забор. Но у неё ничего нет. Какие-то старые, гнилые жерди. Егор сел играть в карты. В подкидного дурака.

- А где была эта ваша контора? – На том берегу.

Кстати, трактор стоит через дом, у соседа слева. Там жила раньше продавщица, потом в магазине запретили продавать водку, чтобы её по ночам не воровали, и она уехала. А дом механизатор купил. Крепкий домина. Домовой, домовина. Мария три дня подряд ходила туда, чтобы уплатить за молоко, взятое в воскресенье. И лишь на четвертый он поднял голову с пола. Где же хозяйка? – На том свете.

Шутник. А вдруг он упадет с обрыва? Видите, лучше ему тут не ездить. Забор в его интересах, но все боятся городить поперёк дороги. Лучше не связываться. Воздвигли плотину, а тут вроде как недоверие. Посредством забора выражается мысль, будто что-то неправильно. Да куда эта избушка не денется! А шерсть свинье не защита. Там всё и без трактора упадет. И надобно же ходить корове по берегу, по зелёной траве, по ромашкам.

Только, пожалуйста, не надо забывать про Иону. Вдруг он проанализирует, а потом скажет. Все знают про заклетье истиной. Он встанет на площади и скажет всё – что думает, чувствует, всю свою правду. И все это сбудется, обретет материальные формы. Надо лишь отделить правду от лжи, зерно от плевелов. Но если всё уже смолото, и мука горчит?

Матрёна разводит руками. Ничего нет. Егор играет в картишки. Хромой бубнит про корову. На том берегу живёт старая Домна; из её трубы вечером идёт дым. Мне страшно ходить мимо Домны, мимо её глухого забора из бревен, мимо двух тополей. В неё метила молния, но попала в дерево, в древесину, в годичные кольца. И годы распались, а время остановилось. Наступило НЕ-время (вечность?), и Домна теперь бессмертна, но только в доме своём... в доме своём... Прости меня, Домнушка, – просто ёрничаю по привычке.

Плюнул на всё и пошёл в магазин. Купил хлеба, лапши и сахарного песку. Тут же Ольга Максимовна насчет продуктов. Её потом ударит троллейбус, старческая рассеянность, и увезут на Чернореченское кладбище, где земля – лучше не надо. Гранитная интрузия. Ну, естественно, это произойдёт в Городе, где тысячи огней, трубы, троллейбусы. Она там преподавала в младших классах: «Дети, вы знаете небо?.. Какое оно?.. Синее... А еще какое?» Красное, жёлтое, оранжевое... Белое... Чёрное.

Можно, я и впредь не буду объяснять? Это очень нудно и утомительно. Да и кому интересно... Ну, хорошо: Ольга Максимовна учила в школе моего сына, из его сочинения узнала про Домну, Матрёну, хромого и реку, а главным образом – про молоко. И купила здесь дом, наскоро срубленный на том берегу из толстых бревен. В три обхвата. У неё дочь работает страховым агентом, а внучка налила мне однажды за шиворот воды из стакана. И засмеялась. Лей-лей, не жалей – я не осержусь... Не знаю, чем она сейчас занимается. И сын мой куда-то... Куда-то...

КРЫША

Цыгане смеялись на том берегу, потому что наша нелепая собака залезла в грязную лужу. Ей жарко, а они смеются белыми зубами, ибо ни при каких обстоятельствах не станут спасаться в луже. Говорят, они хотели ограбить банк, кого-то из них подстрелили, и теперь они скроются в туманной дымке – вместе с болонкой и телевизором. Ну, естественно, банк не в деревне – в соседнем городке, где сладкий дым и цементная пыль.

Как-то всё зыбко.

Дом уже старый, сени поехали набок, двери перекосило. На душе иногда тревожно – а вдруг всё упадет... Душа каждый год получает отпуск, но где ж тогда спасаться ей летом? Матрёна её не вылечила, только на время убрала боль. Понятно – всего-навсего ларингит. Я лечу её соком лопуха, димедролом, настоями трав. На антибиотики аллергия, кожа вспыхивает пятнами, головная боль. Медицина бессильна. Или дело не в этом? Тогда еще никто не сказал мне душеполезных, не разрушающих слов, а сама их не знала: не уповай, душе моя, на телесное здравие и на скоромимоходящую красоту... помысли горький час смерти и страшный суд... ангели бо грознии поймут тя, душе, и в вечный огонь введут... убо прежде смерти покайся, вопиючи: Господи, помилуй мя грешную.

Пошла к Зине за градусником – по лужайке, мимо телянка и кур. Она тут же, рядом – в доме, воздвигнутом двадцать лет назад. Кузеванов, её муж, теперь сетует: «Мне ведь сразу... Егор... Говорит: ты же строишь не там. А сейчас вся вода в подполье весной. Не слушал. Никого не слушал: сами, мол, с усами».

Они косят траву, держат корову и продают молоко. Мы покупаем, снимаем сметану, делаем творог. У Бориса получается прямо-таки резиновый. Больше ничего и не надо. Сыворотку с удовольствием пьёт Сима, Сэлви-джи, наша собака. Правда, потом у неё расстройство желудка. Два наших дома рядом. И трудно здесь разделить: ваше-наше. Когда-то наш дом был домом моего деда. Он его подарил сродникам Зины – Петру и Пелагее, чтобы присматривали за дачей зимой. Ну и что? Разве дача такое уж преступление? Может быть... Забота века сего и обольщение богатства заглушает слово, и оно бывает бесплодно. ЗАБОТА ВЕКА СЕГО... Дачу потом все равно украли, и они сказали: проснулись, а дома уже нет. На нет суда нет, тем более – всё так зыбко. Сегодня нет дома, завтра нет человека. Впрочем, возможно... возможно, дядя Сеня продал его сельсовету... добровольно-принудительно.

Потом, на склоне лет, моя мать купила у Пелагеи, Зины и Кузеванова тот дом, который им подарил мой дед. Он умер в Омске от тифа в двадцатом году. Запряг лошадей и поехал из Екатеринбурга с семьёй в неопределенную даль... Вслед за белой армией... А бабушку с детьми подобрал дальний родственник Александр Тимофеев, врач красного санитарного поезда. Она вернулась и похоронена здесь, на Ивановском кладбище, где упокоится милостью Божьей потом её внучка. Меня отец Георгий пообещал здесь похоронить. Татьяна и Мария... Здесь тайна взаимной любви – ведь мы не встречались на этом свете. Я пришла в этот мир ненадолго гораздо позже. Пресвятая Владычице моя Богородице святыми Твоими и всеильными мольбами отжени от мене уныние забвение неразумие нерадение... И избави мя от многих и лютых воспоминаний и предприятий и от всех действий злых свободи мя.

Всё перевернулось внутри себя и долго качалось там. Вот такие пироги. Не надо ничего придумывать. И зачем? Когда Пелагея умерла, моя престарелая мать Елизавета ездила туда зимой за

сто километров по железной дороге, а потом нерегулярным автобусом. На похороны. Что-то там было. Детство? Во время страшной войны Елизавета крестила в храме Иоанна Предтечи умирающую от туберкулеза четырёхлетнюю дочь свою Машу и отвезла её к Пелагее на лето. И я поднялась после Причастия. И заботами матери. Отец мой Кирилл тогда уже пропал без вести. Погиб в морской пехоте. Наверное, под Москвой.

Но потом, через двадцать лет, приехали летом, а на купленном доме нет крыши. Только стропила. Зина говорит:

- Ты знаешь, Мария, ведь надо покрыть чем-то хлев.

Да, конечно... Потребности.

Когда мы поехали в свою стародавнюю деревню, Борис был в армии, на краю земли, в счастливой Аравии. Там земля обрывается в Черное море. Сана, бейт Али и бейт Харази. Отрубленные головы на городских воротах. Мальчишки суют окурки в скорбные мертвые рты. Баб-эль-Йемен... Еще не знали и не ведали, что когда-нибудь встретимся. Под Красноуфимском на студенческой картошке встретились навсегда.

Приехали в деревню, а там – стропила торчат. Поэтому в дождь крыша течет, и каждый год мы покупаем чёрный рубероид. Весенние ветры его сдирают, гвозди не держатся в досках. Доски совсем старые. Ну и что? Зато мы пьем молоко от коровы, которая ходит по зелёной траве, по ромашкам. Свобода от ненависти, нетерпенья, обид – блаженная свобода. У Зины тромбофлебит, подкапывает к сердцу, давление. Крышу к тому же сдирал её муж. Он иногда угощает Бориса вином из жимолости, которую в давние-давние времена сажали сыновья служащего страховой конторы. Они тогда плескались под бережком, возились в жёлтом песке и думали – блеснёт изумруд. Жар-птица... Старший впоследствии не разрешал жене писать письма. Николай и Августа, Семёновы – Тимофеевы... Но она ему всё равно писала в концлагерь и ездила к нему, хоть и развелась, чтобы как-нибудь не отразилось на дочери, на её судьбе. Ананке, нам, океан. Сегодня дочери шестьдесят, муж лежит в больнице, надо успеть туда и сюда, приготовить обед, накормить внука. Да еще пелёнки-ползунки.

Ах, с тех пор прошло столько лет. Вера, Верочка... Недавно Борис был на её похоронах. Уже в новом тысячелетии.

Сейчас в том же песке моя дочь, но всё гораздо спокойнее. Её дальний предок был крепостным на заводе господ Мосоловых, на Вятке. Кузнец, зиждитель неуязвимости, железный мастер. Огонь – враг тёмной воды и влажного чёрного змея. Кий, божий коваль.

Вятские – мужики хватские, семеро одного не боятся. Это они сами про себя. В усы улыбаются. Предки Бориса: работные люди Марк, Тит, Гавриил и Аксиныя, Михаил и Александра, Мария... Буйское-Соколовское, Марковы... Уржумские ремесленники Пинаевы: Георгий и Татяна, Иоанн и Устинья, Трофим и Агафья, Иоанн... Бусыгины: Евдоким, Андрей, Василий и Мария, Русский Билямор, серпы и косы... белокриницкий Феодор Лебедев укрылся в Онадуре. Упокой их, Господи. Да ещё у Марии: Роман, Михаил, беглый вятч Симеон Половников... и Ксения, Семёновы Димитрий и Татяна, москвич Иоанн Макаров и Августа Оттокарровна из давней Германии, Кирилл и Елисавета. Упокой их, Господи.

Мосоловы скоро исчезли, потому что Александр Благословенный, стремительная либеральная реформа, почти революция. Судорога. Да они почти все там либералы и безбожники... Государство качалось полвека, как огромная башня – пока не упало. А зачем делать на заводе ажурные решётки, если они не имеют сбыта... Закон стоимости. Непрактичные исчезают. Куда? Как-то так исчезают, что остаются. «Ауфхебен» – слово, объясняющее смысл происходящего при этом. Это такое таинственное древнеегипетское слово. Чтобы его осмыслить, надо долго читать германскую Логичку Георга Вильгельма Фридриха Гегеля. Зина и её муж не успели прочесть, и я тоже не читала, и Домна, и хромой, и Матрёна. Но это не страшно.

ЧЕРТОПОЛОХ

Освобожденье от страха, свобода... Если б вы знали, как просто. Но я бессилён объяснить что-либо прямо сейчас. Вы не будете слушать. Всеми своё время. А пока что собака купается в луже, цыгане смеются, цветёт чертополох. Я иду по бревну через реку над зелёной водой.

За душевной стеной чертополоха – изба старой Домны. Глухой бревенчатый забор, расколотый тополь. Чем живёт там она за чертою бессмертия? Или я чего-то не понимаю... Когда-то здесь сажали белую капусту на началах кооперации. Еще при царе Горохе. Особенно хороша она в лунном прозрачном сиянии. В призрачном и прозрачном. Полюбуйтесь при случае. Чертополох, горох и капуста... Винегрет. Этот колючий и красный куст не имеет смысла, но если кругом лишь капуста... Впрочем, он лечит нелепый страх. Иногда. Столовая ложка на ночь. Но не страх Божий, бесстрашный страх.

Мы живем на горе у кромки молодого леса, над гладкой равниной. В год активного солнца здесь звенят комары, так что собака не хочет выходить на прогулку. Приходится в сенях разводить дымок. Это такое ведро с прохудившимся дном, поставленное на сковородку. Если набить его шишками и поджечь, то валом валит едкий дым.

Мария говорит: напиши про деда. Дед мой Михаил Гаврилович драл бересту на растопку с полена зубами. До глубокой старости. За неделю до смерти сидел в ознобе у печки со мной на коленях. Потом, когда уже мертвого обмывали на стуле, он со мной разговаривал, только со мной, потому что взрослые не слышали ничего. Но я не помню – о чём. Всем детям при старом режиме дал образование, и они ушли из деревни. Потом гражданская война, нэп и погром. Только младшенькая – моя мать – не успела хорошенько выучиться и приютила его с бабушкой после обобществления коров... Михаил и Александра. Помолитесь о них. В 30-м году уже не было сыпного тифа, а потому старики Марковы-Бусыгины по добру по здорову сели в степановы соседские сани и уехали за двести вёрст в город – к сыну Ивану. Мир не без добрых людей. А потом – к моей матери.

Сын Иван Михайлович, малолетний глупый бунтовщик, бегал через Архангельск в Канаду, чтобы вернуться в 17-м году. С энфиземой лёгких. Перешёл финскую границу и вернулся домой. Бунт его завершился великим исходом тридцатых годов, сам себя и стариков выгнал из отчего дома. Так ли? Того ли хотел, что получилось? Душа тосковала, томилась-маялась и чего-то ждала. Без креста лишь тоска и томление духа? Дед потом смеялся: спасибо советской власти, избавила от деревенской каторги... Все померли в Щучьем у синего озера на исходе свирепой войны. Дед раздобыл маленькую медную икону себе на похороны. Давно нету кладбища. Огороды.

...А в дождь хорошо и без дыма. Садимся в сенях вдвоем и смотрим в открытую дверь. Вода, мокрые доски крыльца, трава, изгородь, лес. Не надо бы нам расставаться, душа моя. (Маша потом спросила: «Правда? Я твоя душа?»)

Ну да... Помнишь, мы пели с тобой, а потом, через месяц, стояли у холодной реки осенью? Да? 64-й год. Вечер, туман. Это было недавно, Мария, не прошло и семнадцати лет. Но всё впереди, и мы еще встретимся навсегда – там, в городе, в Белом Граде. Я приду пешком, налегке, в это время транспорт уже не ходит. Да помогут мне ангелы в хождение по мукам. В мытарствах.

Рэ, глаз Хора, Урей, утренняя звезда. Он проявляет активность, поднимаются травы, тучами летят комары. Когда умирает царь, ядовитый Урей бежит с его лба, если не знать ритуал. И тогда наступает хаос, страну покидает Маат. Великая Правда. Куда-то уходит... Извержение. Потоп. Море горячего света. Это змея и не змея: око, звезда и закон. Свет, поток золотых корпускул, темные полосы волн. Черное и белое, Ньютон и Гюйгенс. Все они так любопытны. Пытают природу, натуру, естество. Естествоиспытатели. Распните её, скорее. В мученьях она откроет все свои тайные тайны-секреты. Только зачем они вам... В игры играть с компьютером, бомбить город Нагасаки?

А мы с Ионой играем в шашки. Сын с дочерью спорят, чья очередь идти за молоком, но у них даже банка еще не помыта и не выставлена на забор для просушки.

О ЗАРЕ

Иона анализирует: видел я все дела, что делаются под солнцем, и вот – всё это тщета и ловля ветра... А то, что здесь и среди этого мира, есть падение изгнание и потеря крыльев. Он как-то по-новому переводит Библию и Платона. Поросёнок... Новатор.

Но наступает ночь, и уже некогда разговаривать. Мы спускаемся вниз – с нашей горы – на поле чертополохов. Нужно пройти мимо Домны, мимо ее распахнутого окна. На луне Геракл убивает гидру, а здесь тьма в глубоком окне, ничто не дышит и не дарит тепло. Холодный свет обнажает две наши фигуры на гладком теле земли.

- И говорю им: это да! Тут значит посевная, а вам... Нехорошо? У их две бутылки стоят, картошка... Конечно, они начальники-бригадиры и так далее... Участковый сидит... Ты пригласи по-человечески. Ничего! Посадили на пятнадцать суток, потому что диктатура пролетариата...

Это Егор Андреевич идет по бревну над черной водой и сам с собой разговаривает. Он живет рядом с Домной. Удивительно добрый человек и старый мой друг. Он помогал перекрыть крышу, перекладывал с братом печку. Когда выпьет, разъясняет мировую структуру, тревожно ведет вдоль натянутых нитей, но никогда не бывает категоричен. Любой проходимец берет его голыми руками, как зайца в половодье. Правда, потом не знает, что с ним делать. Духовная несовместимость.

Он и братья поставили дом, а старый оставили рядом, на всякий случай. Он ушел от жены к маме своей Марье Артемьевне; ведь она не изменит. Да? Но мать умерла еще в старом доме, зимой, когда мы жили и работали в городе. В память о всех давних днях, когда пели вечером о заре, она завещала нам картошку, потому что больше не было ничего.

И потом Егор не отказывал. Рубль ведро – дешевле некуда. Летом она втрое дороже. Приходи, нагребай без меня, причем деньги берет неохотно: мать, баба Лиза, давние дни... Давным-давно, в прошлом тысячелетии мама грела у печки мне одеяло. Да, Мария Михайловна? В комнате тоскливо и холодно. Сейчас мы её затопим, сейчас... Мы уже несколько лет одни. Я ложусь, совсем маленький, а мать укрывает тёплым одеялом. Так когда-то бабушка Александра... Кроткая добрая мама. Ты мне машешь рукой из окна? Пока видят глаза. Вместе с нами в комнате жила женщина, немка, из ссыльных, работала нянькой в детдоме. Лиза, Эльза, Елизавета. Еженедельно отмечалась в комендатуре. Или раз в месяц? И вот теперь-то мне ясно, умный такой... Ясно, что затопить можно печку и улицу, развести огонь и залить водой. Если жарко и холодно... Но это ж полдела.

По выходным беру рюкзак. Это такой мешок – в переводе на русский. Но тогда тут как тут жена брата Егора. Невестка, золовка? Ох, как Егор её кроет, а куда денешься – без картошки нам трудно. Приходится стоять, терпеть, ждать, когда он преодолет не такую уж глупую бабу. А она слышать не хочет! Я, мол, сама хочу отвезти два ведра. А она скоро кончится: гниёт и жрут ее крысы. Золовка задыхается в деревне, у нее здесь обмороки и болит голова, но пожить на воздухе хочется. Почему...

Стоят рядом три дома, и живут здесь черные цыгане в оставленной избе, Егор Андреевич и бессмертная Домна. Егор посередине. Какая уж тут символика... Каждое лето к нему приезжают из города братья с женами и отдыхают.

Избы стоят ниже плотины. Хорошо – пруд не получился. А то живи и всё время бойся. Но пруда нет, а бешеный поток лупит в противоположный берег, где наверху, на верхотуре живут Копа с отцом, Матрёна и тот – хромой. Правда, весёлый живет выше плотины, он не дурак. А у хромого денег куры не клюют. На 364 дома. Подумаешь... Вру, конечно... всего-то четыре улья.

Вот мы и пошли просто пройтись. Пошли погулять. Вейся-повейся капуста моя... Капушка... Известное дело – гулять: ходить хороводом, священнодействовать, пить медовуху. С бабами любезничать. И всё это сразу, единым духом! А сейчас вот просто ходим туда и сюда. Механика. Процесс перемещения плоти. Иона должен бродить по берегу, изучать. Не может ведь он ходить по двум берегам сразу. Поэтому ходит сначала по одному, а потом по другому. Что-то в этом ущербное. Вряд ли он заслуживает снисхождения. И да восплачутся в нас душеполезные помыслы. Ибо каждый хитрит и мудрствует над чужой бедой, а о своей поразмыслить не умеет.

ЗЕМЛЯ

Это, наверно, совсем не Иона. Не он же хрипит, не он раздирает ворот: объяли меня воды до души моей, бездна заключила меня... Морской травой обвита голова моя... до основания гор я нисшёл, земля навек заградила меня... но Ты... Ты, Господи, изведёшь душу мою из ада.

- Что ж теперь делать, ты не узнал? Я тебя просила... Что делать, когда проклятье... Ты был в храме?

Она сердилась, мы лежали вместе, она уже почти не вставала – только садилась на кровати раз в день, на пять минут, с трудом, с тяжкими муками. Что делать... Я растирал ей ступни. Блаженны плачущие... Блаженны кроткие... Блаженны милостивые... Блаженны чистые сердцем... **БЛАГОСЛОВЛЯЙТЕ ПРОКЛИНАЮЩИХ ВАС.** Крестное знамение, дуновение. Заклинание в

чине Крещения. Тайноводственное поучение: изгнать злого демона, идущего за человеком до спасительных вод.

Ей было бы легче, если бы... А я никак не мог спасти свою милую. Ни тело, ни душу. Только Бог, Спас, Спаситель.

Когда-то в день рождения своей матери Мария обязательно навещала кладбище. Однажды... Говорю: не ходи без меня. Во сне видел предтеченскую колокольню, я ростом со звонницу и пытаюсь бить в колокол, но он качается и почему-то молчит. А потом мы куда-то идем, взявшись за руки, мимо серой могилы начальника, чьим именем назван Город. Она почему-то ограждена высоким и стальным решетчатым цилиндром, внутри которого мертвая фигура из жести. Она тихо качается, мы подходим к ней, она рукой касается Машеньки.

- Не ходи без меня. Я быстро сбегаю на работу... на пять минут. Встретимся на остановке.

Кладбище бывает ласковым и даже весёлым – в весеннюю родительскую субботу и в Радоницу, когда здесь выпивают и закусывают, когда на дорожках стоят цыганские телеги, когда туманит головы молодой и зелёный дым на березовых ветках. Но бывает очарованно-странным, тревожным в одинокой тиши могил, меж которыми легкие тени, танцующие призраки, иногда вдруг обретающие плоть.

В двух шагах от больших кладбищенских ворот – мы уже уходили – нам встретились... Кто? Я не знаю. Ведьмы? Старухи? Одна сумрачно посмотрела на нас, что-то сказала и резко выбросила руку.

- Что? Что она сказала? Что...

-Я не понял... ничего... нет...

За воротами она схватила себя руками за горло. Вот – задыхается. Задыхается. Что делать? Машину? Где... Куда... Умирает.

- Дай снега... на горло...

Без Христа у нас нет защиты от зла.

Стоял апрель. И мы еще прожили вместе четырнадцать огромных лет. Зимой 85-го она упала возле дома на грязном льду. Обошлось без перелома, сильный ушиб, но троюродный брат Ионы просверлил кости ног (дескать, по ошибке), чтобы месяц лежала на вытяжке. Обучал студентов ремеслу. Насвистывая. Спаси, Господи, Петра Васильича – позвонил знакомому врачу, и тут же её отпустили вместе с соседкой. (Васильич, добрый человек, потом ей и руку гипсовал – за два месяца до исхода.) А мы, рассердившись, в газету написали, после чего даже прокурор заволновался. Зачем? Она ходила вдоль стенки, но мы не сдались. А теперь... А сподобившиеся достигнуть того века... и воскресения из мертвых... ни женятся ни замуж не выходят и умереть уже не могут.

Наугад открыл страницу, и глаза сами уткнулись в слова. Спасибо... Мы были счастливы, Господи. Последним счастьем.

ДЕРЕВНЯ

Песня плывёт, вплетаясь в зной, в жужжанье, в журчанье, в дуновение, в шорохи... Я сижу прямо посередине речки на быстринке. В этом месте ежели сядешь – вода у берегов поднимается. Я сижу в Кунарке – как в тазу, как в корыте, пескари тычутся в мои ноги, я полощу прямо в «водопаде», который перекачивается через мои колени. Для меня всегда родина – вот это. Именно это. Не вся Кашина, и даже не дом мой на горе под дядькиными тополями, а именно эта быстринка, и именно когда я в ней, и обязательно жарко, и вода оmyвает меня. Не захочешь да рассиропишься: разве можно одному человеку столько счастья?

Деревня Кашина в моей жизни – статья особая, постоянно и всюду присутствующая. Как детство, которое с человеком всю жизнь, до самого края. (Да-да... она и помирая вспоминала детство.) В детстве я в Кашине жила только однажды, в послевоенное лето. В 45-м году. Мать привезла с тяжёлым инфильтратом лёгких, отвергла настояния врачей «поддуть» меня, закрыла уши на все зловещие предупреждения. Она привела (принесла?) меня в Иоанно-Предтеченскую церковь, где священник крестил и причастил девочку Машу. Этот последний-последний, самый последний в городе Храм уж совсем было уничтожили наши богоборцы, но война сохранила. Потом мать сгребла меня в охапку и увезла из города.

Я хорошо помню соседскую тележку на двух колёсах. Да, собственно, и помнить не надо, у них и сейчас такая же – на этой тележке мать вывозила меня в сосняк.

Помню бесконечные переодевания – я вымокала до нитки, особенно во время сна. Помню питьё из сосновых иголок, землянику и бруснику, и парное молоко, которое мать вливала, вталкивала в меня всеми правдами и неправдами. Мать (с Божьей помощью) «выцарапала» меня – это было любимое её словечко с тех пор, как его произнесло лёгочное светило, которое выстукивало и выслушивало меня, и вертело на рентгене, не веря своим глазам. И вот это «Кашина не даст пропасть, Кашина выцарапает» засело во мне на всю жизнь. А теперь вот ещё поняла: Бог через крещение и причастие – и мать... Её любовь к деревне была не с потолка, а тоже из детства, из её детства. Мой дед в начале XX века купил дом на горе за рекой, у самого леса – и вывозил сюда на лето восьмерых архаровцев (моих дядюшек в возрасте от пелёночного до гимназического и мою мать с сестрой её Катей). Екатерина умерла восемнадцатилетней 30 августа восемнадцатого года, в гражданскую войну... С горя? Ушли братья Борис, Андрей... и Серёжа. Он мечтал стать священником, но где-то сгинул в бескрайней России. Но кто-то всё равно стал потом православным иереем Сергием вместо него? Чтобы впервые соборовать меня за год до смерти.

Я не очень-то много в этой жизни умею, вот разве что слушать, прислушиваться, предчувствовать. В юности, когда на уме был один волейбол и мальчишки, и ветер гулял со свистом в абсолютно порожней моей голове – я уже с каким-то неизъяснимым предчувствием слушала «кашинские истории» матери. Чего стоил один только Сад, от коего и по сей день остались на нашей горе яблоневые и сиреневые дымы. Да в акациях, более семидесяти лет никем не стриженных, бродит в ненастье соседский телёнок... Мои малолетние дядьки чем-то прогневали отца, моего деда Димитрия. И тот сказал, уезжая: «Чтоб через неделю был сад». И укатил себе на лошадаках. А дядьки мои упирались, бедные, с шести утра и до двух ночи, возили землю и с речки песок: гора-то была настоящая – известняковая скала. В воскресенье мой дед подкатил с бубенчиками: «Сделали? Ну и ладно». А там два гектара... Воспитывал в строгости.

Каждый год в начале отпуска – в начале новой эры, когда одним рейсом электрички рвётся связь с загазованными улицами, с каменными лестницами, с телефонами, и ты, как бы кружась, медленно начинаешь оседать в деревенском быте, в моей семье начинаются беспредметные разговоры о том, что избу надо бы подремонтировать. Но всё равно нет денег, да если бы и были, никто не знает, где берут нынче рубероид и доски. Всем тут же становится ясно, что разговоры о ремонте переходят в планы будущего года, а я, чтобы подкрепить окончательное облегчение, неизменно вспоминаю мать: «Наш дом НИКОГДА не рухнет, его тополя держат». Тополя – те самые, из истории с садом... Могучие, родословные тополя... Лезу в голбец – и обязательно люблю тронуть рукой их корни. Во мраке холодного подпола их видно, они действительно обхватили мой дом и не дают ему упасть.

А меня держит Кашина: счастье и свет. Чем дальше проживаю жизнь – тем больше... Где бы я видела закаты? – в городе нету неба... Поля белого клевера, кашки. Где б слышала звук, родившийся от соприкосновения дождевых капель с листьями?.. Где дышала бы запахом богородской травы... на огромном холме с белыми скалами над маленькой речкой... и с розовыми ромашками в зелёной траве под берёзами... где, раскинувши руки, обнимала ветер. Где внимала бы степанидиным причетам, давшим такую работу уму и сердцу, какой я не могла в себе предположить. Каждое новое лето детские подружки моей матери Степанида и Матрёна встречают меня в Кашине: «А что, Маррея, ноне ведь Лизавете-то Димитревне будет уже подико девятый годок...» Это не праздные разговоры, не долг вежливости даже. Это память. Свет далёкого детства.

Вот так оно идёт и идёт, и вяжется, вяжется... Голубеньки глазки сделали салазки, сели да поехали – к дедушке заехали. – Чего, деде, делаешь? – Ступу да лопату, корову горбату. Корова-то с кошку, надоила с ложку. Пора баушке вставить – курам зёрнышки давать. Куры улетели, на сосёнку сели...

Колыбельные моего детства – забавная самодеятельность матери, заквашенная на какой-то очень приблизительной народности – в смысле текстов, и в то же время очень верной – в смысле сути, в смысле жалости к дитю, в смысле угадывания, что не столько погремушки нужны ему в колыбели, сколько импульсы живой души. И глотала я эту смесь, любя и не любя её. Меня очень обижала, например, такая самодеятельность: «Баю-бай, баю-бай, пошла киса под сарай, под сараем Маша спит, кисе незачем ходить». Было жаль себя: почему же я под сараем? И обидно: с какой стати кисе незачем ходить, с кисой всё-таки под сараем не так одиноко. (А Борис-то сейчас поёт нашей

внучке Машеньке: «под сараем киса спит, Маше незачем ходить». Мне Оттуда видно.) Тем не менее я слушала колыбельные с замиранием сердца. Уж и большая была – во втором, может быть в третьем классе – всегда засыпала под сочинительства матери.

ДЕРЕВО

Женщин нельзя оставлять. Они просыпаются ночью - и как пугливы... А вдруг кто-нибудь закричит под окном? Или скажет шепотом. Правда, не лучше, если всё молчит. Поскольку нет никакого выхода, то пусть лучше не просыпаются, но спят до утра. Держите их за руку, не оставляйте – пока они молоды и в старости. Будем справедливы. Все понимают, что трудно. А что предлагаете?

Пока спали женщины и дети, Егор Андреевич шел домой, окно Домны было распахнуто настежь, вдоль плотины ходили цыганские кони. И цвели чертополохи. Какая разница, когда это было – в июне, августе или сто лет назад. Ветер нельзя показать схватить рукой или потрогать но он существует.

Ну хорошо – построим забор, трактор ездить не будет. Плотина-то все равно стоит. Сто самосвалов или гораздо больше. Они ездили один за другим – из года в год, целое тысячелетие, и навозили за три месяца горы превосходного щебня... Что же теперь – пригнать экскаватор и увозить всё назад? Но это вам не кино, которое можно гонять туда и обратно. А кто будет платить? Директор карьера умер, так и не дождавшись сазанов.

Егор Андреевич шел, покачиваясь, по бревну. Он мог нас отвлечь, и мы повернули вниз по течению. Потому что какая разница... Внизу то же самое, там лежит точно такое же бревно, и по нему ходят на Другой Берег кошки и люди. Корова тут не пройти, а птицам и змеям нужны живые деревья. Ах, какие сентенции... Бревна лежат штабелями, миллионы кубометров, но всё равно это Древо не нуждается в пощаде и милости. Скорее, мы сами... Потом сами поймём, если успеем поумнеть.

Вот такие дела. В лесу мрак, ничего не понять. Всё шумит, бродят ветки и муравейники. Болото без дна, багульник тянется бесконечно. Никак не вернуться назад. Ночью в болоте холодно и темно. Сидят совы с широко раскрытыми глазами.

Конечно, мы валяли дурака. Иона считает, что перед сном надо гулять. Точнее – ходить... Мария и дети остались в избе, а мы пошли. Все равно вечером надо кому-то закрывать ставни.

ВРЕМЯ

Утром я украдкой вырубил длинную жердь и пошёл через реку к Матрене. Но дом её пуст. Сидела старуха в железном лесу... Прорицание вельвы. Хромой был очень любезен. Я постоял у окна. Он там в глубине сидел, за столом, свет в окошке. Какой он бравый на большой фотографии. Ушел из деревни, был сторожем, плотником, вагоновожатым, а потом потерял ногу на Курской дуге. За Родину... косточки... танки... Из госпиталя вернулся домой. Время нельзя обойти через него перешагнуть невозможно. Если не ударит молния. Невозможно? Это все понимают. Будущее – ничто? Меон, укон? А прошлое? Настоящее творит прошлое из ничего. Вечное настоящее... Или так: настоящее возникает из ничего и оседает в прошлом. Да? Бог творит мир из ничего. Из нуля – Своей бесконечною силой. Бесконечность и ноль. А как же пророческий сон?

Но что же делать... Просто смотреть в окно? Мёртвые, а не знаем, что мёртвые. Ведь сижу, мол, хожу, разговариваю... Пьём, пляшем, кричим... надмеемся... Зачем? Таскаем вавилонские кирпичи, сосредоточенно сопим. Вот бы нам здесь, мол, устроиться как-то поудобнее. Французский коньяк, искусственный климат, синтетическое сердце, Канарские острова. Такая длинная дорога. Грязь, мусор... Предоставь мёртвым погребать своих мертвецов.

Старая старуха села на скамейку возле даниловой коричневой стены: «А ведь Матрёны-то нет...»

Нет? Девяносто три года Василесе, а всё ещё гулко хлопает половики и помнит всё до копейки. Да... Тогда ещё не навалилась усталость, не согнула меня до земли. Даже и не думал, что пора, мол, домой. Туда... Потихоньку ушёл и закинул жердь Матрёне во двор. Почему же Даниле-то наплевать? Конечно, первой сползет в воду соседка, а потом... Матрёна кричит, плачет, ходит по начальству, в газету письмо написала, – и приехал Иона. А хромой Данила Степаных делает вид, будто ничего не

происходит. Будто не то ещё видел. С соседом не ссорится, иногда ходит по берегу в гости и продает ему мёд по дешевке. Суета, мол, сует. Смешной: огурцы продавал нам строго по государственным ценам, даже когда в магазинах их уже и вовсе не было.

А Матрёна сходит с ума, больше не ходит лечить корову... А туда вообще не смотрит... В упор не видит весёлого мужика Н.Д.Копалухина, хотя тот не такой уж весёлый. Рыбы нет, лодку, сети и бредень купил совершенно напрасно. Пескари... Ах, столько прожила, но чего-то не понимает. Пусть лучше дом упадет. Ибо никогда в этом мире ненависть не прекращается ненавистью.

- Ему легко, паршивому. А я здесь жизнь прожила. На месте огорода была конюшня. Одни камни. Землю на себе носила. Муж построил дом. Уже сорок лет без него. Колхоз дал телегу отвезти на войну. Теперь только плачу. Нет...

Ну ладно. Я приду после, потом. Что-нибудь сделаем. Не может быть, чтобы все было так безнадежно.

ЛЮБОВЬ

Кто освободит нас от ненависти? Один берег – любовь, а другой... Как выйти к реке с одним берегом? К океану? Покажите дорогу. Тут и Копа, и хромой, и Матрёна... Домна, Егор и цыгане... Обречены ходить с одного берега на другой? Разные мелкие нужды: магазин, почта, автобус. На том берегу высокие трубы сыплют сверху цемент. Весной, когда река разливается, мои родненькие несчастные Кузевановы ходят за пять километров к мосту. Давно бы уехали... Но что-то их держит. Благословенное одиночество? Зимой нас нет, одни на бугре, и лишь три дома у берега. Метель...

Чего уж вставать находули, говорить страшные слова. Кого раздробить молнией? Н.Д.Копалухина? Вритру – запруду и мрачного змея? (На деревенском заборе жил ободранный кот «мрачный Коля», по-детски: мячный Коя. Ой ты Коля-Николай – сиди дома – не гуляй...) Иону-Ионина? Трикстера-клоуна? Или Копу Рыжего? Станные слова. Что они мне... миленькие-поганенькие... Я приехал и уехал. Всё покинув люди уходят и не вернутся больше. Чего они здесь оставили? Бодренным сердцем и трезвенною мыслию всю настоящего жития ночь прейти... Ночь земного сего жития.

Ну, Матрёну жалко. Никто не хочет делать забор, даже Егор Андреевич. Пустяк? Бабы, мол, капризы. А ведь могла бы поставить ему поллитрочку, не разорилась бы. Хотя, конечно, мне трудно судить. Если пенсия двадцать рублей, а булка хлеба – двадцать копеек, и литр молока – тридцать. А литр водки – десятка. Десять рублей.

Тогда пойду сам. Герой... В самом деле, где тут ходить корове? Куда ты лезешь со своим забором? Тракторист еще ни разу не упал в реку, спасибо за внимание. Вон стоит трактор, бормочет на холостых оборотах, а рядом валяется... Ну, он проснётся. Протрёт глаза. Или солярка кончится.

И вообще – какое-то недоверие к плотине. Ведь даже русло почти совсем не изменили. Просто покорили стихию и создали перепад уровней. Какая-то жуткая физика, чёрная магия. Ну, получилось не совсем аккуратно. Ну – нечаянно. Что же теперь – демонстративно заборы строить? Хотели как лучше. Чтобы много рыбы, гусей, уток. И всего-то два домика пострадают. Пострада... Так Степаныч не пропадет. Всё равно извернётся, мол, со своим молотком, коровой и пасекой. Хоть и на деревянной ноге. Правда, ему за семьдесят. Зима, мука, холод. А Марии пятьдесят пять, и она пошла на тот берег. Мы с ней вместе плыли на последней лодочке. Ибо крепка как смерть любовь. И она побеждает смерть? И страх? И проклятье. Любовь долготерпит... милосердствует... любовь не завидует... любовь не превозносится не надмевается не бесчинствует... не ищет своего не раздражается не мыслит зла.

За год до успенья моей Марии я бродил одурманенный по лесной горячей вырубке. Знойно-дрожащие кусты и травы... Цветы... Собирал душицу, а за мной ходила рыжая собака Гром. Она потом потерялась, исчезла в ночной темноте. И кто бы мне рассказал, для чего собираю благоуханные травы... Чтоб через год уложить на них милую покойную головушку. Уходя, она меня поцеловала: «Возьми меня за руку...» Здесь тайна. «С тобой ничего на земле не страшно...» Любовь всё покрывает? Всему верует всего надеется всё переносит... Любовь никогда не перестаёт, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится.

Что же с Матрёной делать. Иона утверждает: –Только без сантиментов. Без... Она все равно живет непроезжительно.

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ

Три года – ровно три года мечтаю снова увидеть чудо. Где там: то политическая борьба, то огородная страда, то сердечные приступы, то внучка на стенку полезла – упала, щеку распорола, то ремонт потолков... А лебедь – белый посланец неба – всё где-то там, в неустоявшихся, тревожных воспоминаниях. Как сон, как смутная надежда.

Теперь у меня появилось время – бескрайнее, как васильковое поле. И хотя операция может быть даже завтра, я не могу сказать, что «время поджимает». Наоборот – мне вдруг отпущена непривычная легкость, несуетность, даже веселость, и сказочное парное утро на реке придвинулось к больничной палате, сделав призрачными белые халаты, бинты и кровь.

Этот крик над деревней – «Лебедь! Лебедь!!!» – и сам был каким-то птичьим, невраз проникающим в сознание. Я жарила картошку в летней кухонке. Окошко, открытое настежь, слегка нарушало режим благоприятствования для утренних июньских комаров. Сквознячок перекачивал их мельтешащие назойливые образования в тенистую атмосферу сиреневого куста, где они нервозно сновали, пытаются вернуться назад, но сквознячок да еще надутая парусом шторка мешали. Я подбрасывала белую крепкую – бобиками – картошку в кипящее масло, когда раздался этот крик: «Лебедь! Лебедь!!!», и стая детей, слетающих на деревню по воскресным дням из каменного трущобного города, пронеслась за окном к заулку, к реке.

Лебедь? Царь-птица из сказки у нашей мазутно-ртутно-селитровой Исети? Перекрыла газ и кинулась в избу. Дети, еще по-утреннему косматые, с расслабленными «ночными» косами, трясли кукольные тряпки, перепеленывая своих Катю и Маню. Комната через все пять окошек – три на юг, два на восток – светилась странным туманным светом. «Скорее! Лебедь!!!» – попугайски гаркнула я и начала судорожно вставлять босые спичечные ножки девчонок в резиновые сапоги. Внучки тут же подхватили моё волнение, заклекотали, задвигали крыльцами, вставая на цыпочки и стараясь стянуть с вешалки пальтушки. Обогнув крайний дом, мы влетели в заулочек и остановились, как вкопанные.

Исеть и берега её – равнинный, черемухово-огородный наш и плоскогорная коврово-изумрудная та сторона – были неузнаваемы. Само небо вместе с облаками опрокинулось в воду, простив бедной реке загрязненность и муть. Тайна этого союза была прикрыта томительной, нездешней дымкой. Клубясь и вздыхая, она окутывала и берега, и реку, и белого лебедя поверх текучих вод.

«Подругу кто-то стрельнул», – сказал Григорий, златогоровский лесник. Он стоял в заулке, привалив тощую прокуренную грудешку к пряслам, приткнув локти на верхней жердине и подперев коричневыми жесткими ладонями лицо. Моргнул заслезившимися глазками: «Прошлый год тоже прилетал. Вишь, не стерётся даже».

В эту минуту в курящихся над водой клубах, подбеленных облаками, позолоченных пробивающимся сквозь парное небо солнцем, началось движение. Это лебедь вдруг выдвинул крылья, расправил их широко и свободно и, медленно набирая высоту, полетел над рекой. Раздался странный звук, похожий на тихий протяжный свист. «Ишь, как крыльями режет, – тихо, сквозь зубы сказал Гриша. – Это тебе не человек – то с одной, то с другой...»

После этого утра – такого утра! – я не исполнила усилия, чтобы снять накипь с сердца, налип-шу-ю за годы моей жизни на земле. Не опустилась на колени в одуванчики на берегу реки, не простерла руки к белым облакам, чтобы упала чистота во тьму души моей. Три года – больше тысячи дней – рассыпались, растворились, раздулись ветром. Лесник тоже, думаю, не понял знамения. Где-то год спустя спалил собственный дом по пьянке... Я не в осужденье. Просто горько жалею всех нас.

ПИСЬМО

«Боречка, родной мой, разнесчастный. Прости меня Христа ради за всё. Я злая чёрная ворона, только прикидываюсь путней птицей. Вот даже сейчас с этой лебединой песней в позу встала – васильковое поле у неё! А сама реву. Помогите мне своей молитвой за мою грешную душу. Не плачьте, я этого не вынесу. Надеюсь на вашу поддержку через святую Церковь».

Помолитесь за нас. Ладно? Ведь очень простая молитва: «Помяни, Господи, во Царствии Своем Марию и Борису...» И всех ныне живущих на земле... и всех ушедших.

На страстную пятницу ей назначили операцию. Что делать? Там привязывают руки и ноги, все белое, яркий свет. На страстную пятницу – ни раньше ни позже. Письмецо нашел во вторую годовщину успенья – в рваной коричневой сумке со старыми письмами её отца: помоги мне своею молитвой... Без нее теперь мир как резиновая вялая игрушка с выпущенным воздухом.

Марию отправили на другой конец города, в больницу на окраине Екатеринбурга, но к вечеру она убежала домой. Позвонила: забирай меня, здесь врач обирает несчастных баб, отдают даже серьги и кольца... За германскую «химию». Через год он повесился.

Я лихорадочно озираюсь – ждал удара. Не знал, откуда... На операционном столе? После? Даже дома, когда она уже не вставала, ждал удара из темноты. Из мрака. Она всегда была в центре светлого круга. С открытым лицом, без маски. Милый мой журналист. Общество русской культуры... За две недели до смерти её чуть не оставили без анальгетиков. В ярости и отчаянье схватил бы топор и побежал... Куда? Дурачок. Не вынес бы шепота, едва различимых слов.

Говорю: Машенька, ты солдат... Может, опять встанем? Год назад убили Георгия. Насильственную смерть надо заслужить. Да? Дети убитой России... Так ли? Все ли убиты? Вечная Святая Русь... В конце концов совсем перестала есть, я пытался поить из поильничка минеральной водой, а она велела – прозрачный бокал. Сама... Сама буду пить. Так и лежала забывшись с бокалом в прозрачной руке.

БОЛЬ

Когда померла в больнице Елизавета, старая мать, мы почему-то решили: не обойтись без Матрёны. Душа томилась, стонала, так надо ж её спасать. В деревне позвали к Маше знахарку.

Елизавета и жила тяжело, и помирала. Врач... она принесла доску, с Марией давили на грудь, спасали, оживляли, реанимировали. Елизавета кричала, очнувшись. Или это Мария кричала от горя? Так никогда и не спросил...

Когда-то закончила музыкальное училище, а потом еще и горный институт. Упрямая, властная. Вышла в кандидаты наук. Жили они с Марией до середины 50-х в насыпном бараке. Шлак между досками. Буржуйка, ящик с углем. Но не в этом дело. Дело в надрыве и женской тоске. Если они остаются до смерти, то сулят погибель ребенку.

Еще года Машеньке не было – приехал отец в феврале из Москвы. Танцевал, взявши на руки. Огромный. Только раз и видела. Гостил недолго, уехал писать свой геологический диплом. Не знал, что где-то уже покрашены танки, надеты чёрные солдатские сапоги и надо успеть понюхать тёплую пушистую головку, успеть поцеловать. Не понял: светлее уже ничего не будет на этой чёрной земле. Погиб, пропал без вести в холодную зиму 42-го, в феврале. Косточки... танки... Упокой, Господи, душу Кирилла... Он был крещён младенцем в 16-м году. На сороковой день после ухода Марии поминают Кирилла и Марию, родителей святого Сергия Радонежского.

...Мы не знали, что спасение в Церкви. Её нам оставил Христос. Только там уходят проклятье, боль и тоска. Прости нас, Господь. Не знали: душе надо переболеть. Очищение молитвой и покаянием? Иначе как просто: наведаясь к старой знахарке и оставил там боль. Как с ведром вышел... Да? Прости нас.

Мария любила мир и вела тяжкую с ним войну. Война и мир. Кричат мне с Сеира: сторож, сколько ночи? Сколько ночи? Сторож отвечает: приближается утро, но еще ночь... Писала про тех, кто давно вернулся с войны. Про искалеченных, увечных, чистых, не очень – про всяких. Писала портрет двадцатого века, страшный и добрый. Её убивали, да не сразу убили. Зачем веку портрет? Если он иконами горшки закрывает.

- Пушку-то убрало воздухом – метров на двадцать, значит, с места. Что-то она две тонны, что ли, весом, пушка-то, да. А тут рядом штабель лесу – пушку-то убрало, а это всё на меня. Ну меня и прижало. И вот слышу: по мне где-то кровь льётся – просто так и булькает. Память не вышибло, а душит. Потом как-то головой пошевелил, и у меня земля просыпалась сюда, сверху-то, мне как вроде облегчило дыхание. А это Наумов Саша растаскал бревна-то, он здоровый парень, растаскал, узнал меня: ты? А я выговорить-то ничего не могу, у меня изо рта, из ушей кровь подалась. Он взял меня под мышку – и к санитарам. Только притащил – опять налет... А соловьи как поют там! Они не считают, что война, люди погибают. Ой, как они там!.. Как мы из госпиталя шли... в новый полк шли из госпиталя,

и вот остановились ночевать – тут деревушка такая небольшая – а соловьи заливаются поют. Думаешь: вот птичка-то, она ничего не знает, а ты куда идёшь и что будет завтра из тебя?.. Дома ребяташки, жена, она техничкой работала, у неё трое иждивенцев на руках, оклад тридцать рублей – ну и что? Куда деваться-то? А всё что надо мы сделали... И не должны мы никому – ни живым, ни мёртвым.

Это хромой сержант Удилов. Семь раз тяжело ранен – в голову, ноги и грудь.

В апреле 94-го, когда Марию скрутило, но еще иногда тихо ходила по комнатам, читал ей канон перед сном – молебный ко Пресвятой Богородице... поемый во всякой скорби и обстоянии. Творение Феостирикта монаха: Царице моя преблагая и скорая заступнице, покрый Твоим ходатайством моя прегрешения, защити меня от враг видимых и невидимых, умягчи сердца злых человек, возстающих на мя...

Перед сном уходила боль. И тоска. На страстной седмице соборовались в церкви святого благоверного князя Александра. Метался: как везти Марию? Юрий Владимирович дал машину. Великий четверг? А потом весенним птичьим днём прошли с ней по тропинке вдоль храма. Дым зелёной листвы... Потихоньку. «Думала: никогда больше не пойду». И еще через месяц... И потом: надо сесть... помоги... Уж и со сломанной рукой, в гипсе – последнее отчаянное усилие. Не получилось. Лучше бы мне помереть.

Говорит: сейчас видела Ангела, здесь – у груди. Несколько дней пребывала в отчаянье, даже почернела лицом, запали губы, страшно округлились глаза. Своей последней рукой Мария взяла зеркальце, посмотрела и всё поняла. Снова стала хорошей, печальной, жалела даже и тех, кто её оставил. Мы с ней говорили про детство – пока говорилось, пока не сел голос. В гробе лежала с большими тёмными веками и тонким лицом, как в юности. Бог показал мне два её лица, чтоб не сомневался: она ушла в рай. Блаженны алчущие и жаждущие правды...

Человек должен прожить здесь до конца, несмотря на боль и страданье, потому что никто не знает, за сколько секунд до смерти Бог очистит больную душу и оставит только любовь. Потерпи, милый, – приближается утро. Но еще ночь.

Незадолго до смерти Маша сказала: это невозможно, но так бывает, ты прав. Я теперь сразу несчастна и счастлива. Да, всё так: я и сам буду счастлив, если хоть кто-то в уходящем мире... А потом поставит заупокойную свечу.

В пятницу Юля появилась как всегда с малышкой, а меня ноги сами унесли на церковный двор. Иеромонах пришёл к ней в последний раз с Телом и Кровью Христа.

БАШНЯ

Певцы не поют лучших песен друзьям. Из жалости. Но кому же их петь? Э, когда это было... Солнце не ведало где его дом... звезды не знали... не знали... потом дали место всякой капле... Нифльхейм, Хвергельмир... Эливагар... Месяц не ведал мощи своей... Что такое Хёнир? Бог поэзии или солнца или воды или облаков или весеннего блеска или птиц. Или смерти. Или он мудрое молчанье? А? Что такое Матрёна, Мария, Борис... Лена, чародейная флейта, умное сердце, не умирающий звук. Над печальной землёй... У меня-то и слов нужных нету: нищ, бессилен и наг. Может, нас и не было никогда?

Забросивши жердь Матрёне во двор, я пошел к Ивану Трофимовичу.

- Хорошо устроился, - говорит Мария. - Я тут картошку чищу, а он... В самом деле, пора бы вернуться домой. Но Иван Трофимович по выходным строит башню. Когда ещё строить? Грех, конечно. Но где достать на неделю рабочую силу? Воскресенье. А я вот расхаживаю. Башня крепкая, из лиственниц. И в основание положены камни... Издалека он её привез, издалека. А возраст не маленький, болезни.

Вот скоро... скоро... Влезем на эту милую каланчу (кругом пожары-кошмары)... Влезем – и смотри-ка-ся... Куда же ещё смотреть? Там на западе, далеко на Западе вздымается серое, тусклое основание... Снова-опять вздымается вавилонская новая технотронно-комфортабельно-жуткая Башня. А-а-а-а-а-а... Сыт-пьян и нос в табаке (с железным кольцом в носовой перегородке). Как же так?

Пьёт воду розовый конь. Весенней гулкой ранью. Мерно вздуваются и опадают большие серые губы. Немые стогны... По углам паутина. Пыль пребывания, а потом исход. Из Египта? На исходе дня.

На исходе души. Через Черное море, через воды смерти, крещенские, где умираем для воскресенья. Жаждем беды и победы. Жаждем реки откровенья. И зелёного древа. И града. И напившись спросить: что же дальше? Какие вопросы... Всё узнаем потом, а пока: наряд, лицо и изнанка. Наряд с лицом и изнанкой? Наряд – красота и порядок. В переводе на русский: космос, косметика... Прелестно вселенское платье. Прелестно, прельстительно, льстиво. Вывернутый наизнанку тулуп, шерсть и лохмотья. Но вдруг обнаружилось, что источник стал океаном.

Иван Трофимович, как быть с Матрёной? Отреставрировать? Или... Вот хочу поставить забор. Изгородь.

ЭТНОГРАФИЯ

А ведь могут забыть. Был такой человек за синими горами. Работал бухгалтером, по-русски – счетоводом. Но что-то там... Пострадать? Не было отдыха, не отпускало, нет. Торопился, торопился – некогда. Храм восстанавливал девять лет. А еще башня. Бросил курить. Потом деревянные часовни. Внутри картины вместо икон. Эстетика? Ренессанс, человек вместо Бога. Все пойдет прахом? Яко земля еси и в землю отыдеш. По ветру... Старые прялки, доски старых изб. На досках дерева с птицами и львами. Красили братья Егор и Павел. В башне будут пить бормотуху бессознательные трактористы. Деревья в горшках, забыли о подземном страшном царстве, потеряли щит и защиту, богослужение. А там что-то возится и хрипит, рвется наружу. Катаракта. Пусть, мол, будут одни цветочки да птички. А мы все рядом – с Ионей, зонтом и с тросточкой. В новых калошах, как в Париже. Вот и получилось...

Он всё время сожалеет: не успел, не успел я... плотину надо бы вон там... там она по делу... этнографический музей... а забором я думал обнести те домики за рекой: Домна, Егор Андреевич... так и будет – избы, башня, мельница, храм, небо, облака.

И увидел я... увидел... Впрочем, океана здесь не было никогда? Но откуда-то скалы, белый известняк. Только зелёная река, реченька, речка? А куда она течет... Мы как-то ходили с Юлькой по полям, по лесам, по крапиве, по лопухам, по задворкам. Наша кудрявая маленькая собака ездил ухом по дороге, вся извалилась в мочале из выброшенного на дорогу дивана. Исследователи. Впадает она в другую реку, а мы даже в другой не искупались. Думали – уже впадает, а она ещё на самом-то деле не впадала. Ну и наплевать. Зато на песочке повалялись. На горяченьком. А за кустами ходила старушка – ждала, когда начнём бутылки выбрасывать. Не было у нас бутылок, только фляга с водой.

Потом Юлька подарила нам маленьких внучек: Ольгу, Татьяну, Марию. Последнюю – на исходе души, когда мы отправились туда... Я только-только привез Машу на скорой из деревни. Повезло, Павел раздобыл, зять, дай ему Бог здоровья. Санитар набрал в шприц двадцать кубиков, вынесли вместе с периной. Внучки плачут. Юлька в городе приковыляла тут же к нам и говорит: мама, наверно, рука твоя сломалась. А мы сами не догадались. Думали: просто такая должна быть боль, уже пора. Приготовились помирать. На другое утро нашу дочь увезли рожать – в Рождество Иоанна Предтечи. В этот свирепо-добродушный мир снова пришла Мария.

Ладно, пусть будет этнографический музей. Но почти все и без того уже работают на цементном заводе в соседнем городке. Ходит рабочий автобус, а в нем Кузеванов, жена его Зина и другие. Пока жива была Пелагея – присматривала за детьми, за хозяйством. Упала, сломала во дворе руку. Кости старые. Потом срослись как-то нелепо. Вот разве цыгане... Чертополох. Они скоро уедут. Смотают пожитки, манатки, ковры, телевизоры. Какие морозоустойчивые! Продай, говорят, собаку. Конечно, эрделька мохнатая, вид прямо ужасный. Кого хочешь испугает. Но они ж с неё шкуру спустят, если узнают, что мухи не обидит. Ноги слабенькие, будто из травы. В гололед разъезжаются. Щенков нет и не будет.

А мы? Не хуже ли... Не будет потомства. Четыре миллиона младенцев убиваем ежегодно во чреве матери. Вифлеемский плач. Потом они снятся женщинам и врачам.

Господи, помоги нашим убиенным младенцам... и прости нас.

ЖАР-ПТИЦА

Они возвращаются тем же путем что пришли... став ветром они становятся дымом... став дымом ползут туманом... став туманом проливаются дождем... Красиво? У храма на лавочке сидел старик

Воробьёв. Правая рука Ивана Трофимовича. Вернее, левая. Сорок лет назад он вместе с Ионой изводил здесь песнопения на клиросах. Допустим, кто-то Христа ненавидит, а он-то чего? Читать научился, дурачок. А там чего только ни напишут. Чтоб не ходили, мол, тут благоговейные. Нету там ничего, понятно? Космос. Шесть молекул в кубическом сантиметре. Когда же оно засохло? А было такое зеленое. Бернары... Достукались. Теперь-то понятно, что памятник архитектуры республиканского значения.

Иван Трофимович мается с Воробьёвым, но никак не прожить без опоры на местные кадры. Воробьёв делал леса для реставрации, а сейчас работает ночным сторожем. Есть у него там коморка внизу – с дырой в потолке. Когда-то оттуда опускалась верёвка. Дёрнул – и загремел колокол.

- Глупый народ. Смеялись, что леса упадут. Упали? Ты им, Трофимыч, ничего не объясняй. Смотреть пусть смотрят, но ты ничего не рассказывай.

Трофимыч вздыхает, щурится: - Ты, Фёдор Палыч, в среду опять напился, как... как... Карамазов. Да. Там же матерьяльные ценности. А ты у магазина валялся.

Нет, Воробьёв не мог валяться у магазина. Он закован в новый костюм и суров. А Ионе в рот смотрит, дурачок. Три с половиной. Когда огонь иссякает он развеивается в ветре, когда солнце заходит оно уходит в ветер... в ветер луна... кто ведая это уходит из мира ... Воробьёв, ты ведаешь это?

По дорогам пыльного мира... Когда это было? Жена Ивана Трофимовича моет в музее полы, а храм двухэтажный. В алтаре поставил избу, расписанную сто лет назад. Эстетика. Фольклор. Братья Мальцевы – Егор и Павел. А Пётр и Павел? Иаков? Иоанн? Сова и дерево, дерево и лев. Дерево извергает цветы. Когда-то в избе, как в музее, валялся на собственной лавке Иван Кузеванов и в ус не дул. По стенам летали жар-птицы. Только без идеализации... Мы все тут кончали университет и знаем, чем это кончилось.

УРОКИ

А на почте сказали: она ушла на конный двор с портфелем. На всякий случай ежегодно страхуем избу. Если что – построим новую? Если изурочат. Собственно, страховка строений обязательна. К тому же надо выправить документ: мать Марии умерла давно, по весне, а дом был записан на её имя. Её звали Елизавета, Лиза. Почитающая Бога?

- А мы его уже списали. Вы не беспокойтесь. Он никому не мешает. Живите. А зачем вам документ? Вот знаете, в Поповке тоже один татарин купил дом, а потом картошку развел на продажу, грушу и парник. Какие хитрые люди. Вы мне не доверяете? Да никто ваш дом ломать не будет. Кому он нужен...

Милая женщина, она в пять минут потом сделала документ, внесла запись в амбарную книгу. Все мы старимся на рабочем месте. Это ж такие пустяки... А теперь вот попробуйте получить наследство. В 2002 году... Ого! Крекс-пекс-ауфхебен... Имущество.

В нашем доме ежегодно выдавливали рамы. Из любопытства? Все уехали. Это ребятишки, дети вдовы, Колька, Минька и Гринька. Собственно, она не вдова, её мужа посадили за смертоубийство, – под этим делом, чего-то не поделили... Была приятная женщина, но всё с тех пор пропивает. Мы привозили одежду и обувь, – что оставалось неизношенным. Благодетели. Но я, жадина, тут не при чём. Мария научила меня милости. Однажды шредеровский рояль в детдом подарила. Не продавать же.

Потом старший тоже попал в лагерь, Миньку убили возле клуба, третий куда-то исчез, кажется поступил в ПТУ. Стало спокойно, как на кладбище.

Мария уверена, что наш дом держится тополем. Женщина... Когда-то, мол, корни обхватили его и держат до сих пор. И до сих пор подоконники целые. А у соседа выгнали. Кузеванов иногда приходит к нам, стучит по дереву, вздыхает. Думал свою избу внукам оставить, но, кажется, не хватит на одну жизнь.

Всё рушится, а в чём его вина? После войны лет шесть служил пограничником. Недавно поехали в гости к сослуживцу в Таганрог с маленьким сыном. Это на Азовском море. Потом Зина ездила в Подмосковье, в детский приёмник. Кузеванов сошел с ума и выскочил на ходу из поезда. Казалось,

мерещилось, блазнилось, что его преследуют, а он не виноват. Сынишку подобрали и отправили в приёмник. Самого тоже слегка подлечили. Прыгать с поезда он умел. Но долго не работал, пока не догадались сводить к Матрёне Емельяновне... На всякую минуту на утренней заре на вечерней на дне на полудне на восходе солнца на закате на новцу на торцу на перекрой месяцу... подите вы уроки призоры старому одеру на пяту больше век не ходите к Степану.

Да? Нет, не получилось. Потом, через несколько лет, он поедет сызнова, теперь уже с Зиной, – повидать среднего сына, который служил на торпедном катере. Не успели доехать, а он потерялся. У Зиной давление двести на сто двадцать, пошла на вокзал в милицию, потом в медпункт. Поставили магнезию, слегка отсиделась и поехала дальше. Иначе вообще всё бессмысленно. Сын еще до армии выучился на слесаря, а старший работает на цементном заводе.

Кузеванов всё-таки скоро отыщется, положат в больницу, подлечат. Но ВДРУГ... Вдруг чувствует свою голову просто черепной коробкой. Одна сплошная огромная голова, а тело исчезло. Внутри что-то прыгает от затылка к нижней челюсти. Ритм всё стремительнее, костенеют пальцы, сжимаются зубы в один-единственный сплошной кусок.

Прыгает увеличенная до колоссальных размеров (она уже не вмещается в голове)... прыгает увеличенная до невероятных размеров фраза, только что промелькнувшая в мозгу. Хочется дико заорать, вскочить и замахать руками в такт этому бешеному ритму. Понимает, как это дико, сдерживает себя, говорит: спокойно, спокойно, ничего не случилось, всё в порядке... не надо.

А в голове тяжело прыгает: ННЕ ННАДО... ННЕ ННАДО...

ЗАБОР

Пошёл делать забор на следующее утро. Мария тихонько постанывает во сне. Забылась. Она на кровати за печкой. Ставни открывать не стал, все ещё спят: дети, Иона, собака и чёрный кот. Он приходит рано утром, ободранный, усталый, с колючкой в хвосте, и требует молока. Чёрный кот в белых перчатках. А на улице тихо. Собственно, улицы никакой нет. Рядом с нами, на бугре, на плоскогорье пасётся стадо: десяток коров и овцы. По очереди пасут.

- Матрёна Емельяновна, я пришел...

Да, вот он, не запылится. Которые слова переговорены которые не договорены которые не заучены которые сама не поняла... В избе – кровать, на кровати – постель, на постели дочка спит. Ну, это их дело. А я обещал. Досадно, конечно. Лучше бы забор делать помогла. А Матрёна на кухне возится за занавеской с цветочками.

Уж накатитесь вы да тучи грозные... Дочка скоро умрет, скоротечно, она в соседнем городке жила. Что ты будешь делать... Похоронят тут, на деревенском кладбище, а потом здесь же Зину, Матрёну, Данилу, Егора. Возвратились блудные дети домой, в свое отечество, к Отцу, который их не позабыл. Только знать бы точно, что к Отцу...

Во дворе у Матрёны валяется старый топор, топорище еле держится. В прошлый раз велел замочить – не замочила. Ну ладно, как-нибудь... Можно пару жердей в куче выбрать. Сразу не рассыплются. Сейчас всё сделаем: дыры ломом пробьем, расшатаем слегка, чтобы колья залезли. Как же так...

- Здравствуйте... а где корова будет ходить?

Это Данила Степаных приковылял незаметно. Что-то он в накомарнике. Светлый лик за черной маской. Здравствуйте. Корове сбоку дыру оставим, вот здесь – возле дома. Хорошо? – Нет, – улыбается, – это ж не мышь. Скрип-скрип...

Вот так, и мы не лыком шиты. Смотри, какой забор... Все будет прекрасно, если Копа нечаянно не сломает. А Данила: заходите в гости, давно медку не ... И ушел.

Матрёна причитает: житья нет от пчел. Желтобрюхие пчёлки ей помешали. Труженицы. Говорит: ездила на приём, а врач ухмыляется: ты, бабка, пьяная что ли? Глаз разнесло, синий.

Конечно, легко говорить, если самого не кусали. Вот сейчас... И не отвяжется! Ах стерва! А чего он в маске ходил? К пчелкам. Вот же... Видит, что забор делаю. Баловство? Она потом с ним помирится, будет корову доить. Жарко, пот. Благостно деяние совершенное без отвращения и пожелания плодов...

Иногда. А ухо распухло. Горит мозг. Приготавливая мёд собирают они соки разных деревьев и эти соки не различают себя там... Так ли? Я разделяю ваше мнение... соединяю мое и ваше. Разделяя соединяю... Бог разделяется неразделимо и сочетается раздельно... Там не исчезнут Борис и Мария. Прости мне, Господи, многочтение, многознание, прелесть книжную и забвение единого на потребу. Египет и Грецию, Индию и Рим, Месопотамию, Иудею. Разве только приуготовление... И облака о Тебе, и травы, – и детские глаза. Но все пока на одном берегу, на пологом и низком, а другой потерялся в небе.

СОН

Ну вот. Теперь только поворачивайся. Лежит твоё распростёртое тело, вздрагивает, когда пинают в ребро. Сон интеллиге... Зачем поросят отпустил? И забор... Копа Рыжий оскалился... Весёлый мужик. И даже Домна раскрыла глаза. Подымите мне веки! Ха-ха! А что, если по нему проехать трактором? Вот ведь коварство какое... Сначала жил, никому не мешал. А потом заборы строить... Скрип-скрип... Чья эта плотина? Чья? Конечно, карьер, цементный завод, самосвалы, Иона, токарные станки Фау-Дэ-Эф, серо-зелёные доллары... Чёрная магия. И чего они лезут? Благодетели. А ведь я его как человека в половодье перевозил.

Сон? Нет, литература. Только что придумал. Кто ж видит такие сны... Моё дело поставить забор, если просят. Всё равно жерди трухлявые, сам развалится. Научи дурака Богу молиться. Ей так спокойнее, мол. Спит по крайней мере. Да уж ты ветер ли ветер да ветер буйный холодный...

- Их мать мне оставила. На всякую минуту на утренней заре на вечерней... Говорит: на всякий случай, мало ли как жизнь обернётся. У других-то не получалось, и неохота. И грех? Только у меня, а всего было пятеро. Отца бык убил в стаде. Рогами проткнул и кровь почувал. Еле отбили. Я много запомнила. И никогда памяти не теряла, никогда... А вот заболела... Жар... Себя забыла. Забыла слова. Припоминаю, конечно... Только тяжело. Теперь не хожу к кому попало. Не могу. Девкой железняк возила. Давно. Сколько всего... Ноги не ходят.

Это третий сон? В сказке должно быть три. Нет, тот был совсем не такой... Миф не сказка. На столе-престоле трижды сгущается белая манна, и Голос трижды произносит: «Ты – ангел перехода». Это в ночь после исповеди на Великий Четверг, на страстной седмице. Где-то читал: манна символизирует логос. Или благодать? Как страшно и странно: встречать души умерших. Бежать, как Иона? Куда? Или тут что-то другое? Эпоха? Или... Лучше не верить снам. Это нам не полезно. Господи, спаси, сохрани и помилуй грешного и непотребного раба Твоего.

ТОСКА

Мы с ним вместе учились в университете. Что же ты ходишь, Герман Ионин, как будто тебя нет, никак не присутствуешь? Или я просто не вижу? Смотрю и не вижу. Что ты там на-пи-сал своим изумительным пером в своей пре... красной газете? «Воздвигнута... с неслыханным энтузиазмом... будет много рыбы, уток, индеек, гусей, лебедей... Во имя счастья всего человечества». Ирий, урай... Интересно, чёрные лебеди съедобны? А белые? Тоска...

Заговор? Заговор от тоски: вода ты вода ключевая вода как смываешь ты вода крутые берега пеня коренья ты смывай тоску кручинушку с белого лица с ретивого сердца... Да? И при этом надо умыться водою. Вымыться. Отмыться. Ибо вода поистине чиста и очищает.

Но лучше, конечно, просто положить крест и тихо сказать: Господи помилуй. А если уж вода... Великая агиасма. Святыня. Низшая степень Святого Причащения. Свежа и нетленна. Сам и ныне, Владыко, освяти воду сию Духом Твоим Святым. Дажь же всем прикасающимся ей и причащающимся, и мажущимся ею освящение, здравие, очищение и благословение.

...Мы с ней не теряли способности жить – пока рядом, через дорогу, в соседнем городском дворе сидел нищий и безногий от рожденья калека Володя Халтурин. И просил копеечку. Его молитвами... Он выползал по холоду в телогрейке и садился на ящик у входа в подъезд. Его уж и позвоночник плохо держал. «Подайте копеечку...»

Кто их с бабушкой похоронил? Володя пошёл домой второго апреля, а я не знал, мне не до того, у Марии стала болеть спина, метастазы. Лечились иглками, первой маленькой крапивой с теплотрассы, пытались уверить себя, что просто-напросто радикулит. Что ещё встанем, мол...

А на Вознесенской горке, на ипатьевском месте, сожгли часовню во имя преподобномучениц великой княгини Елисаветы и инокини Варвары. Потом еще трижды поджигали, взрывали царский Крест. Стоит только храм деревянный без стен. Ветер. Самая высокая точка планеты – после Голгофы. Подъём труднее, чем на белый Эверест. Святые царственные страстотерпцы, молитесь Бога о нас... Николай и Александра, Алексей, Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия, дети. Мы там с Марией набрали кирпичных белых и коричневых осколков, когда в конце семидесятых сломали, истребили, искоренили ипатьевский дом. Говорят, там пол кровоточил, плакал кровью. Слой земли и камней убрали толщиной метра в четыре, полгоры срыли. Теперь камни... вопиют?

Что делать... Пришлось крест на могиле Марии трижды чинить, трижды ломали в бешеной злобе. Один раз подожгли. Прости их, Господи... не ведают... собирают горящие угли себе на голову... и детям своим. До четвёртого колена. Сами знаете, кто торжествует в этом мире и кого распинают на страшном кресте.

Как жаль древнего нашего Иону... Вестника и пророка. Знать бы ему, чем занят теперь и всегда гуляющий, хитроумный и... и... медоточивый Ионин. Обезьяна Бога, квант дерзкой инверсии. Вывернутый наизнанку тулуп. Гибрис, кровь на губах, смех, ночная вода, смерть. Да я и сам теперь не лучше... Убегаем-бежим от Лица Господня, дабы не исполнить свой долг. И лишь в мрачном и влажном чреве кита... у чрева преисподней... когда изнемогает душа... лишь там вспоминаем Отца и обещаем исполнить.

ВЕТЕР

Лишняя, ничем не обоснованная Домна, её никто так и не видел, может быть появится в окне. Она давно отсюда ушла, зачем ей земное бессмертие? Однажды увидим ветер. Чертополохи цветут, качаются. Она исчезнет совсем (ауфхебен), а Герман поищет замену. Ей, Матрёне, Марии, Борису, Елене, хромому Даниле, Егору Андреевичу... Зачем пустовать домам? Я перебираю слова. Они произрастают и живут тысячелетиями, даже когда мертвы. Мудрые змеи и кроткие голуби... не лгите и то что вы ненавидите не делайте этого... Легко ли? Но что делать, если живем у зелёной реки? Остаться на том берегу? На этом? Или стать рекой и отправиться к белому океану? Атлантика, Тихий, Индийский, Северный Ледовитый.

Как помру, Боречка, – колокольчик не выбрасывай. Ах, душа моя... отзвенела, отзвенела... И на исходе не выпускала колокольчика из рук: позвоню, мол, и придёт, прибежит, примчится милый. Потом он лежал на постели у мамы, перед её уходом. Звенят ли колокольчики там, в изумрудных лугах, Мария? Ты всё мне покажешь, если... Господи даждь ми слезы и память смертную и умиление. Господи даждь ми помысл исповедания грехов моих. Господи даждь ми смирение целомудрие и послушание. Даждь ми терпение великодушие и кротость.

Помяни, Господи, Бориса и Марию. Не разлучи нас навсегда.

Март 1981 – 2008

Борис Пинаев

НА ИСХОДЕ ДУШИ (истолкование иносказания)

Конечно, лучше обойтись без комментариев. Однако мне говорят: текст слишком сложен, неясен, даже иррационален. Да? Можно бы ответить: «Хорошо, а насколько ясным и простым выглядит ну хотя бы вот такое предложение: на лугу паслась буланая лошадь?» Что такое луг? И что такое лошадь? Ежели разобраться, то не всё тут просто... Буланая лошадь – это какая? Для жителя современного мегаполиса тут много загадочного. Вот, например, ЛУГ у В.И.Даля: «Травная земля, покос, пастбище; пожня, пажить; мелкотравная (не ботвистая, не бурьянистая) равнина; обычно луга бывают поемные, поймы, низы, заливные берега рек, до кряжа, венца. (...) Чистое место на заросшем озере, прогалина, плесо (лужа?). (...) Луговое сено, противоположно: лесное, суходольное и степное». Теперь надо посмотреть в словаре: пожня, пажить, пойма, плесо, суходол... Потом

– лошадь. Это «вообще конь; особ. не жеребец и не кобыла, мерин. По употреблению бывает: упряжная, верховая, вьючная; а первая: коренная, пристяжная, дышельная, выносная (подседельная и подручная)». . . . Что такое: мерин дышельный, выносной?

И ещё – «паслась». Просто ходила на волюшке-воле и ела траву?

Нет, обычно на передние ноги ей надевают путы, чтоб далеко не ускакала. Какое уж тут вольное хождение. . . .

Итак, чтобы всем было ясно, о чём речь, надо, наверное, написать

так: «По мелкотравной равнине скакал в путах буланный мерин и ел траву». Ах да: кто такой «мерин» и что такое «буланный»? Фиолетовый?

Однако не буду отлынивать и всё-таки подвергну наш текст

истолкованию – с учётом, что наша сиюминутная повседневная жизнь гораздо сложнее и даже загадочней нашего текста. Да и мы сами. . . . Кто мы такие? Откуда пришли? Куда уйдём? Всех ждёт один конец. . . . Что такое «конец»? Имеет ли этот термин хоть какой-то смысл, если оторвать его от сопряжённого термина «начало»? И т. д.

РЕКА

Речь здесь идёт о дереве и реке. Но поскольку это иносказание, то речь идёт не о реке и не о дереве. Когда иносказание говорит о дереве, то имеет в виду вовсе не его. Например, можно сказать: «Сокол ты мой ясный», но иметь в виду вовсе не сокола. Или: «Голубушка моя». . . .

Так и здесь. Мифологическая культура изображала вселенную в виде Древа. Это Бытие – то, что ЕСТЬ, вечное настоящее. Есть такой термин – «Мировое Древо». А текучая вселенная изображалась в виде Реки. Это Становление (не-бытие). Наши предки (в отличие от нас) прекрасно понимали, что нет покоя без не-покоя (движения), нет бытия без не-бытия (становления), нет правого без не-правого (левого), нет орла без не-орла (решки) и т.д. Вот попробуйте выделить правое само по себе. . . . Правое само по себе (без левого) тут же исчезнет – и останется НИ ТО НИ СЁ. Точно так же и левое.

Гегель и некоторые прочие диалектики полагали, что если один из парных терминов «зачеркнуть», то другой перейдёт в собственную противоположность. Эту особенность гегелевой диалектики собирались использовать марксисты, упраздняя рынок. Им казалось, что государственная плановая экономика, оставшись без своей рыночной пары, в кратчайшие исторические сроки сама по себе исчезнет и станет супер-рыночной – и тогда стриги купоны социалист, оказавшийся у власти. План, взятый сам по себе, без рынка, станет рынком без плана. . . . Но опыт СССР свидетельствует: после упразднения нерыночного социализма возникло НИ ТО НИ СЁ. Кроме того, опыт показал, что упразднение рынка как формы обратной связи в экономике попросту невозможно. Явно упразднённый, он продолжает существовать подпольно. Но при этом его функция становится разрушительной. Точно так же сегодня невозможно упразднить государственную плановую регуляцию экономики в той или иной форме – если не хочешь исчезновения страны и государства.

. . . Мифологический разум понимал вселенную структурно. И структура её такова: небо – земля – подземный мир. Таково вселенское Древо: небо-крона, ствол-земля, корни-подземелье. Когда же речь идёт о становящейся вселенной, о Реке, то структура её тоже трёхчленна: исток, река, устье. Впрочем, следуя евангельской традиции, можно назвать царство небесное неким семенем, зерном («горчичное зерно»). И тогда сама древесная структура обретет аспект развития: семя – крона/корни – дерево. Река течёт, а дерево растёт. Река – неживая природа, а дерево – живая. Не-дерево – это река, а не-река – это дерево. Не-бытие (не-Древо) – это не какое-нибудь сумрачное ничто, но обыкновенное становление, течение. Точно так же не-стул – это не какая-то пустота, а просто-напросто некий другой предмет: стол, кушетка, кровать и т. д.

Вот этот алгоритм «семя – крона/корни = дерево» можно обнаружить даже и в нашем человеческом языке. В самом деле, сначала в русском языке не было никакого начала, но был «КОН». Что такое «кон»? Это сразу и начало (искон), и конец. Любой этимологический словарь это подтвердит. Да и у Владимира Даля: «Кон: начало, предел, межа; // рубеж, конец». То есть в форме антиномии, когда один и тот же субъект наделён противоположными предикатами: 1) кон есть искон, 2) кон есть не-искон (конец). Искон и конец соотносятся – и результатом этого

соотнесения становится третье слово: искон/конец = покон (обычай). Что противоположно обычаю? Писанный закон: конец/искон = закон (после инверсии двух парных терминов возникло новое понятие). Закон как внешняя сила приходит тогда, когда увядает внутренне присущий обществу обычай-покон и неслыханно умножаются преступления.

Можно показать ещё и такие формулы:

мораль/право = нравственность, право/мораль = принуждение (насилие?). Когда на главной позиции утверждается не мораль, но право – торжествует закон и царствует принуждение... В этих формулах нет ничего необычного, в той же физике из двух терминов тоже получают третье слово (понятие): пространство/время = скорость. Сегодня предстоит понять лишь вот такой пустяк: время/пространство = инерция.

Итак, важно уяснить: иносказание говорит одно, а имеет в виду совсем другое.

ЯМА

Яма, конечно, существовала на самом деле – там, возле нашего дома. Но в то же время это мрачный символ преисподней (подземного мира). Да и поросята в яме... Воплощение смуты, порождение греческого античного Тифона, змея преисподней. Кстати, существует такая гипотеза: в центре Земли свет (электромагнитное поле) становится веществом, как солнечное вещество становится светом. Представляете? Противоположности – поле и вещество. После смерти земного вещественного тела наши души получают тела световые (невидимого спектра), но соль-то в том, какой это будет свет – солнечный или подземный, радостный или сумрачный (адский). Впрочем, это, скорее всего, лишь намек, говорящий о нашей загробной участи: райской или адской.

Кроме того, тут речь идёт и об Ионе. Кто такой Иона? Это журналист Герман Ионин. Наше иносказание говорит про библейского Иону, вестника и пророка, а имеет в виду журналиста из разряда «чего изволите». Иона стал Иониным? Нет, Иона так и остался Ионой, а Ионин – это до предела измельчавший потомок его троюродного брата. Ведь и родные братья бывают такие разные – те же Авель и Каин.

Да, ещё чуть-чуть про поросят. Их выбросил из землянки на самом-то деле, конечно, Борис, а не Мария. Юлька, дочурка, прибежала ко мне, когда я полоскал на речке бельё.

БОЛЕЗНЬ

Тут нечего комментировать. Разве что надо бы сказать, что редактора газеты звали Юрий Васильевич Липатников. Он долго-долго работал в журнале «Уральский следопыт», а потом основал собственную газету. Был избран депутатом областного совета, хотел создать всероссийскую партию «Русский союз», поехал по этим партийным делам в Челябинск – и там был убит. Машина ночью наехала.

ДУРАК

Иваном Трофимовичем звали моего отца. Он был очень простой и добрый мужик. Конечно, храм реставрировал совсем другой человек, но я хочу помянуть своего отца.

Ещё я там сочинил, что Мария заболела триста лет назад – в эпоху Петра Великого. Конечно, опять говорю одно, а имею в виду совсем другое, рассчитывая на осведомлённость читателя. Я имею в виду, что наша великая страна заболела – и эта болезнь называлась «реформы Петра Великого». Он решил, как какой-нибудь нажравшийся пива кукуйский немец, сделать из России Шлезвиг-Гольштейн или Голландию. Конечно, в любом таком случае получается пародия – не больше. Внешность без сути. Впрочем, сама Европа к тому времени почти уж совсем сформировалась как пародия. Пародия на христианство. Оно было задвинуто в угол, а на почётное место вылезли телесно-материальные безграничные потребности. Внешность без сути.

Самая невыносимая из реформ – это когда император Петр приказал брать штраф, если кто не причащается Тела и Крови Христа. Велел завести амбарные книги, куда записывали тех, кто причастился. До такой изуверской новации не дошли даже наши большевики в XX веке. Они честно казнили христиан, но чтобы заставлять насильно причащаться... Не по любви, а по приказу... Воистину не было страшнее деяния на земле.

Уравновешивают ли всё это военные победы, военная мощь? Не знаю... Знаю, что теперь с нами нет ни Украины, ни Прибалтики. Впрочем, «какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» (Мф. 16:26).

Там же, в той же главе: «Может, есть на земле... полюс?.. куда линии стекают с ладоней. Из него растут лотос или вечное дерево, а рядом, возле, сидят старые мойры, парки и норны, прядут нити судьбы».

Кто такие мойры, парки и норны? Норны – это древнескандинавские мифические хозяйки наших судеб: Урд – «судьба», Верданди – «становление», Скульд – «долг». Они живут возле источника по имени Урд в корнях мирового дерева Иггдрасиль. Это дерево они ежедневно опрыскивают животворящей влагой из источника.

В словаре можно прочесть: «Образ норн вобрал в себя представления о «хозяйках» мирового дерева и орошающих его источниках. Норны определяют судьбы людей, вырезывая руны. ... По своей основной функции аналогичны древнегреческим мойрам (и римским паркам), имеют параллели и в мифологии других народов».

Итак, норны, парки и мойры определяют судьбы людей. Что такое судьба? В первом приближении: то, что суждено человеку на этой земле; то, что он непременно, непреложно претерпит в этой жизни. Слепая безличная Судьба обитает в безличном античном космосе. В нём есть Ум и Душа, а Личности нет. Нет Личности, Которую можно молить, просить, умолять. У Которой можно просить прощения за наши грехи и Которая способна их простить, видя искреннее покаяние. Которая любит нас, иудушек.

Как пишет русский мыслитель Алексей Фёдорович Лосев, «вещи действуют не только целесообразно, но и хаотически. Поэтому и душа, и ум, хотя бы и понимать их объективно-космически, устроят космос целесообразно, но допускают также любую нецелесообразность, включая любое хаотическое расслоение. ... Другими словами, возникает необходимость признавать ещё и такое начало, которое совмещало бы в себе и всё целесообразное, и всё нецелесообразное. ... Это начало в античности называлось «единым» или «одним». ... Это было не чем иным, как **ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИЕЙ СУДЬБЫ**.

... Космос имеет душу и ум. Но он ни за что не отвечает... Признавать что-нибудь отвечающим за всё зло – это не значит признавать за ним только душу и ум. Это значило бы признавать за ним ещё и личность. Но никакой личности античный космос не знает; его единое, о котором мы сейчас говорим, тоже не Личность, а скорее какая-то стихия. Следовательно, в античности приходилось отказываться от конечного объяснения зла, то есть признавать для его объяснения судьбу. ... Судьба и есть внеличный принцип объяснения всего целесообразного и всего нецелесообразного, возникающего в чувственно-материальном космосе в условиях признания его в качестве последнего абсолюта».

Итак, тут речь о философском античном термине «судьба». Но до всякой философии люди погружены в мифологический мир. А это совсем другое дело. Там речь идёт о мойрах. «Мойры (мойра, букв. «часть», «доля», отсюда «участь», которую получает каждый при рождении) – в греческой мифологии богини судьбы. ... Наиболее распространён миф – о трёх сёстрах-мойрах. ... Их имена – Лахесис («дающая жребий»), Клото («прядущая»), Атропос («неотвратимая»). Лахесис назначает жребий ещё до рождения человека, Клото прядёт нить его жизни, Атропос неотвратимо приближает будущее. Платон считает, что эти три мойры – дочери богини Ананке («необходимости»), вращающей мировое веретено... В эллинистическую эпоху с мойрами конкурирует богиня Тиха (богиня случая)» (Лосев).

Поскольку ИСТИНА посредством устной речи и алфавитного письма выражается антиномически – через два противоположных суждения, то можно дать антиномический ответ на вопрос, что же такое судьба. 1) Судьба есть Ананка-необходимость. 2) Судьба есть не-Ананка, но Тиха-случай. А уж потом получить вполне научное умозаключение: судьба через соотношение необходимости и случая есть неумолимый закон. Или коротко: судьба – необходимость/случай = закон. Тогда при инверсии числителя и знаменателя возникает некое беззаконие (хаос): судьба – случай/необходимость = хаос. Конечно, при этом надо учитывать, что в законе снят хаос, а в хаосе – закон.

Что такое «снят»? Далее в нашем тексте появится немецкое слово «ауфхэбен» (снять). Перевод этого слова – антиномический: снять – это упразднить, снять – это сохранить. Один термин снят

в другом, как в срезанной веточке тополя сняты корешки (надо поставить её в воду, чтобы корни появились). В веточке корни есть так, что их нет. И наоборот: срезанное под корень дерево может дать веточку.

Вопрос о «судьбе» чрезвычайно интересен, ибо сегодня даже многие христиане, не говоря о прочих, простодушно выступают в роли фаталистов, считающих людей марионетками Бога. Мы не станем здесь предаваться собственным размышлениям, но опять прибегнем к цитированию, чтобы всё-таки выяснить и христианскую, то есть единственно научную, точку зрения. Русский богослов В.Н.Лосский пишет вот что: «Именно митрополит Сергей и устанавливает ясное различие между предведением и предопределением, относя предопределённое к «намерениям или желаниям Божиим», не зависящим ни от какой иной воли (например, сотворение мира и человека, установление обоженья как высшей цели творения), предуведанное же понимая как то, что зависит от свободной воли творений (например, грехопадение, судьбы мира и отдельных существ, нисходящих к гибели или достигающих спасения, поскольку оно зависит и от свободной воли творений). Но кроме предопределения и предведения ... следует различать и нечто ТРЕТЬЕ – промысление Божие, относя сюда все акты Божественной воли, связанные со свободной волей творений, то есть определяющиеся в связи со «случайностью». В первом случае (предопределение) имеется в виду только одна Божественная воля, во втором случае (предведение) только воля творений, в третьем (промысление) соотношение двух волей – Божественной и человеческой. Можно сказать, что Божественный промысл есть предопределение, основанное на предведении «случайности», т.е. свободы творений. Сюда относится всё домостроительство нашего спасения, а следовательно, и Боговоплощение...» (Вл. Лосский. Спор о Софии//Боговидение. М., 2003. С. 55).

Как видим, ситуацию (надо понимать – любую) не выразить с помощью одного слова, даже самого мудрёного. Всегда необходима формула, как минимум, из трёх слов. В данном случае: предопределение/предведение = промысл Божий. Вне контекста любое единичное слово – бессмысленно.

ПЛОТИНА

Да, плотина – это не выдумка, но реальность. Каждый может приехать в деревню Кашину Богдановичского района – и на неё полюбоваться. Правда, сейчас она уже заросла ивняком. А иносказательно что это такое? Мрачный древнеиндийский демон Вритра лёг поперёк живительных вод. А освободил эти воды бог Индра, поразив своим оружием змея. В нашем повествовании такого вот змеборца не нашлось. Борис, дабы исправить последствия сооружения плотины, пошёл огород городить поперёк дороги. И Борис, и Матрёна, конечно же, понимали, что с плотиной теперь уж ничего не поделаешь. Это уж навсегда. Хотя её вроде бы и нет, потому что речку Кунару она вовсе и не перегородила – просто слегка изменила русло.

Ну, и как истолковать этих Индру и Вритру сегодня? Можно ли сказать, что наша Великая богоборческая революция, опрокинувшая прежнее государство, – это такой вот демон Вритра, лёгший поперёк живительных вод? Да и нет – тут вполне уместен антиномический ответ. Как выяснилось позднее, Бог, чтобы сохранить православную Россию, отдал её в руки богоборцев и русофобов. Они с необыкновенной свирепостью уничтожили то, что невозможно (и не нужно) было оставлять в её живом организме. Главное, они изгнали в эмиграцию её прогнившую атеистическую элиту. Так называемый образованный слой России был почти сплошь атеистичен уже в XIX веке. Вот что сообщил нам Лев Толстой, например: «Огулом все мы христиане, но порознь взяться – совсем другое. Я несколько лет занимался этим и всех людей, мне знакомых, допрашивал: верют или не верют. И оказалось, что **из людей моего разбора, учёных, умных, никто не верит в Бога.** Если и находились из моих сверстных людей такие, что верили, то один на 500 (я думаю, не больше. Про женщин я не говорю), то это были или чудаки, из упрямства, с злобой, не столько для своих нужд, сколько для спора, уверяли, что они верят в Бога, или такие, что для каких-нибудь политических или корыстных неосознанных целей говорили, что верят, или уж очень глупые люди, или уж явившиеся ещё в новое время женщины и мужчины из учёных, верующих как-то особенно. (...)

Я нашёл очень много верующих между неучёным сословием. Все неучёные, верующие в Бога, – весь народ» (Л. Н. Толстой. Из неопубликованного. Искания истинной веры // Новый мир. 1991. №7. С. 10).

Искренние и злобные атеисты изгнали атеистов, прикидывающихся христианами, фарисеев. Такого рода «дети дьявола» были ненавистны Христу, именно таковых Он избличал и считал главной опасностью для рода человеческого... В императорской России фарисействующая элита и причащалась-то лишь по принуждению. Лицемерно. Потому-то: «Кругом измена, и трусость, и обман».

И тут же, в этой главе, – опять про поросят. Лес, мол, испортили – и грибы не растут. Однако есть сведения, что после нашествия свиней и вепрей грибы начинают расти гораздо лучше. На следующий год или чуть позднее? Не потому ли и существование нечистой силы Господь попускает? Ибо лишь после искушений и соблазнов, претерпев и одолевши их, мы приобретаем необходимые для спасения души добродетели.

Тут ещё нечто из древнеегипетской мифологии. Зачем? Данила, Матрёна, Егор и все прочие наши герои должны быть погружены в общемифологический контекст. Это были последние люди старой Руси необыкновенной величины, прямо-таки эпические фигуры. Не знаю, хватило ли таланта изобразить их именно таковыми.

Итак, мифология. Тут надо бы сообщить, конечно, что Рэ – это солнечный бог, царь людей и богов, «тот, имя которого неизвестно». Хор – сын Рэ и одновременно сын Осириса и Исиды; его Око суть извергающая яд и пламя змея Урей в короне фараона, воплощение богов изначальная змея-джет и вечная утренняя звезда. Богиня Нут – это небо, корова, крыша и океан. Лотос – изначальный Нефертем, породивший верховного бога Рэ посредством своего аромата, и в то же время – сын бога Рэ.

В последнем случае мы имеем дело с отношением двух парных терминов. Можно сказать, например, что бог Правой руки – сын богалевой руки – и в то же самое время боглевой руки есть сын бога Правой руки. Они друг друга порождают – правое и левое. Когда же речь идёт о рядах отождествлений: Нут = небо = корова = крыша = океан, то здесь работает конкретно-иероглифическая логика, в основе которой лежат ассоциативные ряды, вкуче составляющие координационную матрицу. Что это такое? Ну, вот простейший пример матрицы:

исток – устье – Река
рождение – смерть – Жизнь
начало – конец – Путь.

По вертикали в этой матрице отождествляются исток, рождение и начало, потом – устье, смерть и конец, затем – Река, Жизнь и Путь. Мы с вами точно знаем, что Река – это Река, а вовсе никакая не Жизнь и не Путь. Но метафоры тоже имеют место, а потому вряд ли кто-то откажется назвать свою жизнь рекой, а уж сочетание «жизненный путь» у всех на слуху. Что же касается богини Нут, то здесь возможна какая-нибудь такая матрица:

земля – подземелье – Небо
горница – подполье – Крыша
кошка – мышь – Корова
река – подзем. озеро – Океан.

Вот и получается ряд отождествлений: подземелье = подполье = мышь = подземное озеро; небо = крыша = корова = океан. И т. д. У шумеров Океан был включён в какую-то другую матрицу, так что получалось отождествление «океан = судьба».

Нужно сказать, что такого рода матрицы не есть достояние одного лишь человеческого мышления, но являют себя и в природе – в письменах Бога. Это обнаружил, например, Дм. Менделеев, создав величайшую из естественнонаучных матриц. Как мы знаем, он показал, что химический элемент есть часть большого целого, которое может быть описано путём построения некой таблицы (матрицы). Причём по ГОРИЗОНТАЛИ химические свойства элементов меняются на противоположные (например, переход от щелочных металлов к инертным газам, как от истока к устью), тогда как по ВЕРТИКАЛИ они тождественны в каждом столбце, становясь лишь более или менее интенсивными.

Если мы поймём всякие такие вещи, то перестанем так уж презирать древних людей. Египетскую премудрость не презирал даже и пророк Моисей. Св. Василий Великий пишет: «Славный Моисей, которого имя за мудрость было весьма велико, сперва упражнял ум египетскими науками, а потом приступил к созерцанию Сущего» («Советы юношам, как получать пользу из

языческих сочинений»). По-видимому, главное в «египетских науках» – умение работать с конкретно-иероглифическим логическим каноном, то есть с ассоциативными рядами, вкуче составляющими некую матрицу. Этот канон можно обнаружить в любой конкретно-иероглифической культуре, в том числе китайской. Такой канон – одна из основных форм человеческого мышления.

Впрочем, и современный человек может усвоить самые глубокие истины (гораздо глубже древнеегипетских), если обратится к христианской догматике и к христианскому (православному) богословию. Надобно сказать, что православное богослужение, догматика и богословие в высшей степени научны, поскольку опираются на основные формы мышления в их целокупности. Речь идёт о координационной матрице, антиномии и системе умозаключений. Ежели кому-то интересны подробности, то можно заглянуть в небольшую брошюру: Б. И. Пинаев. Основные формы мышления конкретно-иероглифического человека, абстрактно-алфавитного человека, научно-символического человека. Екатеринбург, 2001. Или на сайт, который, возможно, когда-нибудь у этого человека появится.

СУДЬБА

В этой главе, во-первых, изложены некие ветхозаветные истины. Например: Бог соединяет мужа и жену во едину плоть. Эту истину мы усваиваем лишь опытным путём: претерпев совместную нелёгкую жизнь и получивши в награду любовь, мы начинаем хоть что-то понимать. Причём важно понять уже в самом начале супружеского пути, что венцы, возлагаемые на нас в церкви во время венчания, – мученические, ибо претерпеть друг друга в совместной жизни – мука мученическая. Об этом и священник говорит во время бракосочетания. Мы ж порченые, падшие существа, исполненные гнева, гордыни, нетерпения и пр. Я знаю жену, которая в конце пути сказала своему мужу: «Из-за твоего терпения бесы оставили меня»... Это очень важно, выходит: претерпеть чужие грехи. Свои-то мы даже и не замечаем.

Вообще, если перевести разговор в русло чистой логики, то муж и жена, коих соединил Бог, – это два соотносящихся термина одного понятия. Здесь, в этом мире, мы выглядим вполне самостоятельными единицами, имеющими смысл друг без друга. Но в мире ином, если выстрадаем любовь, то Господь может соединить нас – неслиянно и нераздельно. Чтобы жить там, аки ангелы. Нам же сказано о великой силе любви: «Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто» (1 Кор. 13:2). А где ж научиться любить, как не здесь, в земной жизни, где возможно самопожертвование... Где ещё можно жизнь отдать за други своя?

По учению Православной Церкви, вся наша здешняя жизнь есть экзамен, испытание. Если выдержим его, то обретем право на равноангельское житие в мире ином – с Богом... Каждого из нас надобно испытать – вместили ли в душе огонь божественной любви?

...Во-вторых, здесь помянут рукописный журнал «Стойло Пегаса», который мы выпускали с Генной Сюньковым в каком-нибудь 1970 году. Он отвечал за всевозможные строительные темы, я – за промышленные, но нельзя же всё время заниматься только промышленностью и строительством. Один из нас тогда сочинил такие стишки – и тиснул их в нашем журнале:

Не за количеством и качеством,
за чем-то вовсе за другим,
скакали рыцари чудачества,
влача плащом тяжёлый дым.

Не дорога производительность,
пусть нет рубля в обеда час –
круп лошади багрово-дымчатый
танцует в медленных очах.

Количество уходит в качество,
река – в болото, в землю – меч...

О, где ж вы рыцари чудачества,
где кудри буйные до плеч?

Вот так мы валяли дурака в своём собственном журнале, который у нас в конце концов украли – сразу, как только мы заполнили всю амбарную книгу. Впрочем, первый журнал, кажется, назывался

просто «Пегас». «Стойло» появилось уже вторым номером. В качестве иллюстраций Гена наклеивал фотографии Олега Капорейки. Они вместе когда-то работали в строительной многотиражке. Олег вообще-то таёжный человек, глубокий знаток леса и его обитателей. Лирик, а не физик. Но, как и мы с Геней, он зарабатывал на жизнь изображением всевозможных строительно-промышленных сюжетов. Которые, впрочем, были нам тогда интересны. Сам я тогда ещё не выкарабкался из-под марксизма-ленинизма и искренне полагал, что основные начала жизни – в экономике. Хотя, конечно, не без размышлений: «Не за количеством и качеством, за чем-то вовсе за другим»...

«От реки пошла по зелёной равнине,» – так начинается седьмой абзац этой главы. На самом деле, конечно, пошла вовсе не Мария. Пошёл Борис... Но какая разница, если муж и жена – едина плоть. Это, кстати, очень глубокая истина, ибо целостный человек – это муж и жена. Не зря говорят: моя половина. Даже в сфере понятий – то же самое. Каждое понятие двуполусно. КАЖДОЕ ... ДВУПОЛЮСНО! К пониманию этого простого факта ныне пришла даже наука физика, которая теперь уж не мыслит, например, пространство в отрыве от времени и говорит: пространство-время. Только вот в мире сем мы разделены, как соотносящиеся электрические заряды, а в мире ином (если сумеем вместить в свои скудные сосуды божественную любовь)... а в мире ином мы станем «магнитными» полюсами, кои неслиянны и нераздельны. Наши древнерусские предки, конечно, поболее нашего понимали в таком явлении, как двуполусность понятий. Не зря были у них в ходу такие сочетания: правда-истина, род-племя, честь-хвала и пр. Правду и истину наши предки не отождествляли. У В.И.Даля: «Истина от земли, достояние разума человека, а правда с небес, дар благодости. Истина относится к уму и разуму; а добро или благо к любви, праву и воле».

И в конце главы древнегреческий термин «гибрис». Если Дика – это Правда, то Гибрис – это попрание и поругание Правды, высокомерие и дерзость. Поскольку все мы суть падшие люди, повернувшиеся спиной к Богу (а значит, лицом к диаволу), то все мы – гибристы. Но Бог милостив: Он даровал нам Церковь, дабы, войдя в неё, мы снова в церковных таинствах соприкоснулись с Богом.

ПРОКЛЯТЬЕ

Что такое проклятье? В Евангелии: «Благословляйте проклинающих вас». Здесь противопоставляются проклятие и благословение. Как одолеть проклятье? Не ответным проклятьем, конечно, но благословением. Не зря каждый день молимся: «Ненавидящих и обидящих нас прости, Господи Человеколюбче»...

У В.И.Даля: «ПРОКЛЯСТЬ (проклять), проклинать кого, црк. предать анафеме, отлучить от церкви; // в гражданском быту: лишить благоволения; изгнать от себя, лишая наследья и всякого общенья; // ругать, поносить, призывать на кого-либо бедствия, желать кому-либо зла, ненавидеть. (...) ПРОКЛЯТСТВО ср. стар. проклятие; проклятые или богомерзкие речи, дела, жизнь. (...) Бес, дьявол, сатана, вообще нечистая сила или нежить, водяной и леший».

Конечно, «ругать, поносить, призывать на кого-либо бедствия, желать зла, ненавидеть» – это от сатаны, но не от Бога, потому что Бог есть любовь. Против всего этого у нас нет иной защиты, кроме любви, которая выражается в том числе и в молитве о ненавидящих нас. Ненависть разрушает, прежде всего, тех, кто ненавидит и проклинает других. Тех, кто не способен молиться о врагах своих (что было бы проявлением любви).

Мы только что прочли: проклятыми могут быть «богомерзкие речи, дела, жизнь». Прокляты «бес, дьявол, сатана, вообще нечистая сила или нежить». Это зона смерти. Нам лучше и не приближаться к ней. Но как «не приближаться», если мы падшие люди? Если мы живём в падшем мире, в зоне смерти и разрушения... «Не приближаться» – значит уйти в сферу жизни, войти в Православную Церковь, где постники и молитвенники могут именем Христа даже и бесов изгонять.

Да, именем Христа. В Церкви (и нигде больше) возможны и заклинания: «При крещении младенцев, равно как и взрослых, Церковь издревле употребляла заклинания, чтобы прогнать от новокрещаемого «всякого лукавого и нечистого духа, сокрытого и гнездящегося в сердце его» (и на это указывал против пелагиан блаж. Августин). Что ж бы значили эти заклинания, если бы Церковь считала младенцев чистыми и непричастными прародительскому греху? А древности этих заклинаний не отвергали сами пелагиане».

«Все мы, участвовавшие в том же Адаме, и змием обольщены, и грехом умерщвлены, и

спасены Адамом небесным». Это св. Григорий Богослов, Песн. таинствен., слов. VII... А вся цитата – из «Православно-догматического богословия» владыки Макария, архиепископа Харьковского (СПб, 1868. Т. 1. С.498, 500).

ЗВЁЗДЫ

«Плотину завернул весёлый мужик? Чтобы снести её тёплый дом. Но этот вывод ошибочен. Просто ЭПОХА ВЫВЕРНУЛАСЬ НАИЗНАНКУ. Бес шутит. Просто нужен поблизости пруд, чтобы высунул голову – и пожалуйста. К тому же «Капитал» и каббала».

Нам сказано: «Не собирайте себе сокровищ на земле... Собирайте себе сокровища на небе» (Мф. 6, 19-20). Бывают и эпохи соответствующие: небесные и земные (изнаночные). Небесная эпоха на земле – это не значит идеальная, где все живут по Божьим заповедям. Это значит: люди признают главным на земле утверждение Божеской истины, для них на первом месте Бог, Церковь, спасение души (а не счёт в банке, вообще – маммона). Люди, конечно, грешат, падают в грязь лицом, однако пытаются встать в покаянии. Однако эта отрадная эпоха стараниями сатаны и слуг его ВЫВОРАЧИВАЕТСЯ НАИЗНАНКУ, люди в конце концов утрачивают даже и понимание слов «спасение души», «грех» и т.д. А ежели какие-то слова и остаются от прежней эпохи, то их смысл тоже ВЫВОРАЧИВАЕТСЯ НАИЗНАНКУ: слово «любовь», например, приобретает скотский оттенок (попробуйте рассказать педерасту историю Содома и Гоморры; да и не всякому европейскому парламентарии расскажешь нынче эту историю).

В Западной Европе переход от приоритета сокровищ небесных к владычеству сокровищ земных совершился в эпоху Ренессанса, так называемого Возрождения. Можно бы сказать: в эпоху возрождения сатанизма (когда человек возомнил себя богом, божком земным). Произошла инверсия. Раньше Бог был «в числителе», а человек понимал себя несоизмеримым с Ним и помещал всё тварное в знаменатель (очень приблизительная математическая аналогия: Бог/человек). Теперь же человек сначала поместил в числитель собственную персону (человек/Бог), а потом и вовсе попытался зачеркнуть Бога. И к чему же пришёл? «Если нет Бога и бессмертия души, то всё позволено» (афоризм Достоевского). Человек разрешил себе всё то, что ранее было запрещено, отказался от понятия «грех». И вошло европейское человечество в XX век такими массовыми бойнями-войнами, такими концлагерями, какие и во сне не могли присниться. Когда один божок начинает делить с другим божком земные сокровища, то в конце концов один другого стирает в порошок.

А при чём тут вышеупомянутые «Капитал» и каббала? О, конечно, не при чём.

Не при чём... Правда, некий намёк можно найти у А.Ф.Лосева, который пишет про каббалу (Вл. Соловьёв и его время. М., 2000. С. 220): «Это какой-то мистический социализм... Это – какой-то мистически-сексуальный социализм».

КОРОВА

Аудумла – это скандинавская мифологическая корова. Она произошла от инея мировой бездны. Своим молоком Аудумла выкормила великана Имира.

«Корова есть называемое бессмертием, и корова почитается как смерть», – это древнеиндийская антиномия, где один и тот же субъект (корова) наделен противоположными предикатами (смерть и бессмертие).

Субъект – это логическое подлежащее, предикат – сказуемое (что такое подлежащее и сказуемое, наверно, объяснять не надо). Паки и паки: истина посредством устной речи и алфавитного письма выражается антиномически. К этому пришло нынче даже и логически убогое естествознание: например, свет есть волна, свет есть не-волна (корпускула, частица). Вот как физик Хайзенберг описывает «новый» способ мышления физика Бора: «... Одно и то же событие мы можем охватить с помощью двух различных способов рассмотрения. Оба эти способа рассмотрения ВЗАИМНО ИСКЛЮЧАЮТ друг друга, но они также и дополняют друг друга, и лишь сопряжение двух противоречащих друг другу способов рассмотрения полностью исчерпывают наглядную суть явления» (Гейзенберг Вернер. Физика и философия. М., 1989. С. 205 – 206).

То, к чему в таких муках приходит естествознание, было давным-давно понятно святым отцам Православной Церкви: «Архиепископ Фессалоникийский св. Григорий Палама, глашатай

Соборов великой эпохи византийского богословия, посвятил один свой диалог (...) вопросу о Божестве несообщаемом и сообщаемом. Разбирая смысл слов апостола Петра «причастники Божеского естества», св. Григорий Фессалоникийский утверждает, что это выражение характерно **АНТИНОМИЧНОЕ**, что и роднит его с троичным догматом: как Бог одновременно – Один и Три, так и о Божественной природе следует говорить как об **ОДНОВРЕМЕННО** несообщаемой и в известном смысле сообщаемой: мы приходим к сопричастности Божественному естеству, и однако оно остается для нас совершенно недоступным. Мы должны утверждать оба эти положения одновременно и сохранять их **АНТИНОМИЧНОСТЬ** как критерий благочестия» (Вл. Лосский. Очерк мистического богословия Восточной Церкви // Мистическое богословие. Киев, 1991. С. 139).

Итак, истина выражается антиномически, если мы пользуемся услугами устной речи или алфавитного письма:

Бог есть Единица, Бог есть Троица.

Господь Иисус Христос – Бог, Христос – не-Бог (человек).

Пресв. Богородица – Мать, Богородица – не-Мать (Дева).

Бог самодостаточен, Бог – несамодостаточен (Творец мира).

Свет есть волна, свет есть не-волна (корпускула).

Обыденному рассудку этого никак не понять. Этого не понять, конечно, и человеку, овладевшему формальной логикой Аристотеля (обычно она владеет им). Но мало ли рассуждений Аристотеля оказались просто-напросто чепухой... К сожалению, формальная логика змеёй проникла и в христианство; она стала способом мышления протестантов: «Для протестантской мысли ... одна из распавшихся противоположных сторон непременно ложна, и ложно их объединение. Только одна из таких противоположностей может быть истинной, она-то и должна быть утверждаема в качестве безусловной реальности, не терпящей наряду с собой другой, которая подлежит отрицанию, а самых радикальных вариантах – прямо уничтожению, так как в самой себе признаётся ничтожной» (Лазарев В.В. Становление философского сознания Нового времени. М., 1987. С.86).

АНТИНОМИЗМ, ОБОСНОВАННЫЙ и ЕСТЕСТВЕННОЙ НАУКОЙ, и ХРИСТИАНСКИМ БОГОСЛОВИЕМ, логически утверждает также и бытие Бога, так волнующее безбожников (ибо страшновато всё-таки – а вдруг Он существует). Верующему в Бога человеку, в общем-то, не нужны логические доказательства (а неверующему всё равно ничего не докажешь, ибо его глаза смотрят и не видят, а уши слушают и не слышат). Но в любом случае это доказательство можно продемонстрировать.

Оно выглядит так. Вас волнует бытие Бога? А что же такое, по-вашему, само «**БЫТИЕ**»? Если вы материалист, то в бытии мира (космоса, вселенной) вы, конечно, не сомневаетесь. Ну, тогда первое суждение антиномии выглядит так: **БЫТИЕ** есть космос. Тогда второе суждение антиномии неизбежно примет такой вид: **БЫТИЕ** есть не-космос. Что такое не-космос? Понятно, что не-космос есть Бог. Итак, получаем антиномию: 1) **БЫТИЕ** есть космос, 2) **БЫТИЕ** есть не-космос, т.е. Бог.

Впрочем, всё это для атеистов, которые во всяком деле начинают танцевать от космоса. Для христиан: если Бог есть бытие, то космос – небытие (тварь, становление). Но лучше (богословски правильной), говоря о Боге, использовать термины «сущность» и «энергия», а не «бытие-становление». Бытие лучше отнести к миру невидимому, сотворённому Богом, а становление – к миру видимому. Впрочем, некоторые изречения ап. Павла наводят на мысль, что мир невидимый может быть снят в Боге: «Ибо видимое временно, а невидимое вечно» (2 Кор. 4, 18); «ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы» (Рим. 1, 20). Здесь невидимое отождествляется с Божеством. «Верую познаём, что веки устроены словом Божиим, так что из невидимого произошло видимое» (К евр. 11, 3). Конечно, не обязательно «невидимое» ап. Павла считать невидимым миром, невидимой частью космоса. Бог тоже невидим смертными очами...

В той же самой нашей главе: «Годы распались, а время остановилось. Наступило **НЕ-время** (вечность?), и Домна теперь бессмертна... Нам обещано Откровением: времени больше не будет. Что такое **ВРЕМЯ**? «Быть может, следует признать тот факт, что время – это одно из понятий, которое определить невозможно» (Фейнман Р., Лейтон Р., Сэндс М. Фейнмановские лекции по физике. М., 1977. Вып. 1, 2. С.87). Здесь, конечно, сказано опрометчиво, ибо времени ставит предел (о-предел-яет его) пространство, как правому ставит предел – левое, и наоборот. «Важно понимать, что физике

сегодняшнего дня неизвестно, что такое энергия» (там же. С. 74). «Нужно признать, что несмотря на совместные усилия физиков и философов, математиков и логиков, не достигнуто никакого окончательного прояснения понятия массы» (Джеммер М. Понятие массы в классич. и соврем. физике. М., 1967. С. 230). И так далее.

Современной науке неизвестно, что такое время, энергия, масса. Правда, сегодня некоторые вполне учёные мужи уже способны понять, что правое есть правое лишь в соотношении с левым (и наоборот). Точно так же современная наука уразумела в начале XX века, что время есть время лишь в соотношении с пространством. Сегодня принято писать так: пространство-время. Впрочем, уже Галилей пришёл к триединой формуле «пространство/время = скорость». И в этом случае, как и в любом другом, истина не может быть выражена одним односторонним термином, но лишь совокупностью трёх и более, объединённых в некую формулу. Мы видели ранее, что точно так же выглядит дело и в христианском богословии: предопределение/предвидение = промысл Божий.

Итак, когда пытаешься выяснить, что такое некий абстрактный (односторонний, как одна сторона монеты) термин, необходимо узнать сначала, а что представляет его отрицание. Если есть время, то что такое не-время? В данном случае не-время есть пространство, с которым время соотносится. Что такое не-пространство? Это время. Пространство и время – это некие предикаты (логические сказуемые) какого-то субъекта (подлежащего), как два любых соотносящихся термина: орёл и решка, правое и левое, верх и низ, энергия и масса. И т. д. Всё это обратные термины: если пространство = s , а время = t , то $s = 1/t$, тогда как $t = 1/s$. И в результате: $s/t = v$, $s \cdot 1/t = v$, $ss = s^2$, $v = s^2$. Здесь оба символа одинаковы (s), но один из них – константа, другой – переменная. Как в формуле $E = hv$ (постоянная Планка, помноженная на частоту). Почему h – это пространственная константа, а v – это пространственная переменная – долго объяснять. В основе – размерности величин.

Попытаемся найти тот субъект, в роли предикатов которого выступают пространство и время. Да тут мудрить шибко и нечего – это путь-дорога. (Те, кто хочет мыслить возвышенно-философски, могут сказать: это Дао-дэ.) Что такое путь-дорога? Антиномия выглядит так: 1) путь-дорога есть пространство, 2) путь-дорога есть не-пространство, т.е. время. А потом, соотнеся предикаты пространство и время, переходим к триединому умозаключению: путь-дорога – пространство s /время t = скорость s^2 . А при инверсии терминов пространство и время получим понятие инерции:

путь-дорога – время/пространство = инерция t^2 .

В скорости снята инерция, в инерции – скорость. Они взаимно ограничивают друг друга. На следующей ступени познания предстоит выяснить: а что такое скорость и инерция? Есть понятия «скорость (инерция)» и «инерция (скорость)». В скобках – термин, который снят в другом термине. Итак, что такое скорость (инерция)? Антиномия: 1) скорость (инерция) есть энергия, 2) скорость (инерция) есть не энергия, но масса. Соотносим энергию и массу – и получаем некую величину из сферы магнетизма. При инверсии терминов получаем величину из сферы электричества:

скорость (инерц.) – энергия s^2 /масса t^2 = магнетизм s^4 (электричество t^4),

инерция (скорость) – масса/энергия = электричество (магнетизм).

Как видим, тождественны скорость и энергия, инерция и масса (в современной физике различают две массы, одну из которых называют инертной, а другую – тяжёлой). Вся разница: скорость – в первом понятии умозаключения, энергия – во втором (и масса – тоже). Второе понятие умозаключения – это сфера различения, разделения, соотнесения терминов, кои кажутся самостоятельными, сущими один без другого (совсем как положительный и отрицательный электрические заряды, каждый из которых может путешествовать сам по себе). Взяв на вооружение размерности величин, можно показать эквивалентность формул $F = ma$ и $F = (\gamma m_1 m_2)/R^2$. При этом выяснится, что гравитационная постоянная есть константа ускорения, тогда как квадрат расстояния – это на самом деле квадрат времени, то есть масса. Понять что к чему помогает простейшая модель расширяющейся вселенной, где пространство – это расширяющаяся «кривая» окружность, тогда как время – её прямой радиус.

Следующие два умозаключения помогают получить электромагнитное поле и вещество:

магнетизм (электричество) – s^4/t^4 = электромагнитное поле (s^8),

электричество (магнетизм) – t^4/s^4 = вещество (t^8).

Поскольку тела наши имеют вещественную, а не полевую основу, то можно сказать, что они сотканы из времени (t^8). Ну и, разумеется, из времени соткана наша Земля. То, что нам кажется

её пространством (нам много что кажется – например, будто Солнце ползёт по небосклону, а не вращается Земля)... То, что нам кажется пространством Земли, – это «окаменевшее время», то есть время в восьмой степени (вещество). Вообще, и здесь кое-что можно познать в сравнении. Так, важно понять, что пространство, гравитация, квант действия (постоянная Планка) – это синонимы. Пространство доминирует, когда речь идёт об электромагнитном поле. Это – действие. Время доминирует, когда речь идёт о веществе. Это – противодействие (не зря квадрат времени мы отождествили с косностью; это – инерция). Любопытно: квант действия (постоянная Планка) – это и есть та самая элементарная длина, которая была чрезвычайно нужна Вернеру Хайзенбергу.

Мы привыкли отождествлять время и движение, но движется «не-время», то есть настоящее. Движется настоящее, которое есть не-время во времени. Время же, повторимся, есть относительный покой земной коры, её ландшафта. Тут даже и литераторы способны нечто видеть: «ВРЕМЯ только кажется быстро текущей РЕКОЙ. Оно скорее неподвижный, бескрайний ландшафт, а движется взгляд, его созерцающий» (Торнтон Уайлдер).

Следующую главу уж точно можно не читать – не в силу её иррациональности, но наоборот. Теперь становится понятно, насколько комментарий может запутать ясный, как солнце текст, вместо того, чтобы сделать его ещё более ясным.

СИСТЕМА ЕСТЕСТВЕННЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Точно так же можно получить три лицевых и три изнаночных умозаключения биологии, психологии, ноологии (науки о мышлении), логики, методологии (хотя методология, естественно, находится в начале системы наук, а за ней – логика, ноология, психология и т.д.). Вот биология (последние понятия умозаключений из соображений экономии «сокращаем», исключая тот их элемент, который снят):

поле (вещество) – достоверность/вероятность = ДНК
вещество (поле) – вероятность/достоверность = белок
ДНК (белок) – информация/энтропия = ядро
белок (ДНК) – энтропия/информация = цитоплазма
ядро (цитоплазма) – регуляция/обратная связь = клетка
цитоплазма (ядро) – обратная связь/регуляция = организм.

ПСИХОЛОГИЯ:

клетка (организм) – цель/причина = инстинкт
организм (клетка) – причина/цель = восприятие
инстинкт (восприятие) – самость/инаковость = внимание
восприятие (инстинкт) – инаковость/самость = память
внимание (память) – свобода/необходимость = воля
память (внимание) – необходимость/свобода = представление.

НООЛОГИЯ:

воля (представление) – деятельность/архетипы = интуиция
представление (воля) – архетипы/деятельность = ритуал
интуиция (ритуал) – знание/знаки = сознание
ритуал (интуиция) – знаки/знание = язык
сознание (язык) – творчество/образы = разум
язык (сознание) – образы/творчество = миф.

ЛОГИКА:

разум (миф) – канон/иносказание = конкретизация
миф (разум) – иносказание/канон = иероглифика
конкретизация (иероглифика) – истина/истолкование = абстрагирование
иероглифика (конкр-я) – истолкование/истина = алфавитное письмо
абстрагирование (алфавит) – истина/истолкование = наука
алфавит (абстрагирование) – истолкование/истина = научная символика.

Как видим, здесь появляются те самые термины «ИНОСКАЗАНИЕ» и «ИСТОЛКОВАНИЕ», о коих речь шла в самом начале. Ибо мы пытаемся истолковать иносказание «На исходе души». Только в разделе «Логика» речь идёт о религиозном иносказании и о богословском истолковании. Почему ж раздел именно так называется? Потому что конкретизация, абстрагирование, истина – всё это из сферы логики... Вместо слова «наука» можно бы написать «спекуляция», но тут нужно было бы слишком много пояснений.

МЕТОДОЛОГИЯ:

наука (символика) – ассоциация/категории = противоречие

символика (наука) – категории/внешняя связь = координационные матрицы

противоречие (К-матрица) – отношение/термины = снятие

К-матрица (противоречие) – термины/оппозиция = антиномии

снятие (антиномия) – уравнение/понятия = идеализация

антиномия (снятие) – понятия/инверсия = умозаключения.

«Уравнение» (уравнивание) есть ассоциация, умершая в раздвоении отношения и воскресшая вновь. Антиномия: уравнение есть тождество, уравнение есть не-тождество (различие). Тождество не есть различие, ибо отождествление предикатов антиномии называется очень непривлекательно: логический сатанизм. О нём говорил уже пророк Исаия: «Горе тем, которые зло называют добром, горькое почитают сладким, и сладкое горьким!» (Книга пророка Исайи. 5, 20). Именно логический сатанизм, как и положено по штату, провозглашают шекспировы ведьмы: «Зло есть добро, добро есть зло. Летим, вскочив на помело!» («Макбет»).

После ИНВЕРСИИ средних терминов умозаключения один из этих терминов претерпевает метаморфозу: ассоциация замещается внешней (необязательной) связью, отношение – оппозицией (противоположением терминов). А уравнение замещается инверсией, после чего изначальное умозаключение рассыпается, претерпевает метаморфозу, становится К-матрицей. Чтобы потом возникла антиномия и новое умозаключение.

Поскольку каждое умозаключение характеризует собой целую эпоху в истории человеческой мысли, то людям, живущим под знаком изначального умозаключения, можно только посочувствовать. Это время, когда господствует не дух животворящий, но мёртвая буква. Причём для невоцерковлённых людей всегда эпоха одна и та же – изначальная. Изнанка конкретизации, изнанка абстрагирования и т.д.

...Итак, получилась вот такая система естественных и гуманитарных наук. Если брать только последние понятия умозаключений, то образуется такая цепочка: ДНК-белок – ядро/цитоплазма – клетка-организм – инстинкт-восприятие – внимание/память – воля-представление – интуиция-ритуал – сознание/язык – разум-миф – конкретизация-иероглифика – абстрагирование/алфавит – наука-символика – противоречие-К-матрицы – отношение/антиномии – идеализация-умозаключения. Ну, и далее: идеализация-умозаключения – путь-дорога – пространство/время – скорость-инерция. И т.д. Последнее тут – воистину первое. Ибо как без метода построить систему?

КОРОВА (продолжение)

Ах да... Надо бы хоть что-то сказать ещё и о вечности, раз уж в тексте мы заикнулись, что не-время – это вечность. «Как показал блаж. Августин, ... будущее непрестанно становится прошлым, и мы никогда не можем уловить во времени настоящее. Первое мгновение неделимо, его даже нельзя назвать бесконечно кратким, оно – вне временного измерения: это – момент-грань... Есть не время, а грань, тем самым – прорыв в вечность. Настоящее без измерения, без длительности являет собой присутствие вечности» (Лосский Вл. Догматическое богословие//Мистич. богословие. Киев, 1991. С.289). Итак, мгновение настоящего – вне времени. Что такое настоящее? Антиномия: настоящее есть миг, настоящее есть вечность. Как видим, появились два полюса понятия, так что теперь можно говорить о понятии «вечность-миг» (как раньше мы говорили о пространстве-времени). Вечность-миг есть так, что её нет, т. е. вечность снята (ауфхэбен). Где снята? Во времени. Так что в данном случае было бы правильней писать «миг (вечность)»...

Выше мы утверждали: не-время – это пространство, а теперь не-время – это вечность... Как же так? Вечность (миг) – пространство/время = скорость (инерция). То, что в мире ином есть

вечность-миг, в мире нашем становится соотношением пространства и времени. То есть тут уж можно уйти от простенькой «путь-дороги». Путь-дорога и вечность-миг... Дорога дана вся сразу, одновременно – как пространство. А путь предстоит преодолеть. Преодолеть инерцию пути... Для этого нужна хотя бы самая малюсенькая скорость. Ахиллес догонит черепаху, если Зенон перестанет отрывать пространство от времени, левое от правого... Мы же знаем: реально лишь пространство-время, а не один из этих терминов в отрыве от другого.

Чтобы познакомиться с вечностью, которая не снята во времени, каждому из нас надобно уйти из пространства-времени, то есть телесно умереть (но даже и это – не факт). Мы ведь уже убедились, что наши тела «состоят» преимущественно из времени (пространство – в знаменателе). Если оперировать размерностями физических величин, то квадрат времени – это масса, время в четвёртой степени – электрическая величина, время в восьмой степени – величина вещественная (мы знаем, что в веществе поле снято; теперь уж термин «снятие» приобретает физический смысл). Можно предположить, что Адам и Ева были созданы с телами на основе электромагнитного поля («тело из света»), где акцент НЕ на время, массу, электричество, но на пространство (одновременность), энергию, магнетизм (всё это в числителе). Однако грехопадение наших прародителей изменило падшую телесность (мы получили «ризы кожаные»), произошла инверсия: $s/t \rightarrow t/s$, $E/m \rightarrow m/E$ и т.д. Мы поменяли «тело из света» на тело из вещества.

После смерти тела сего каждый из нас снова получит тело из света, только вот какой это будет свет: солнечный или адски-подземный? Когда речь идёт о Солнце, то каждый знает, что вещество здесь становится светом. Можно предположить, что в центре Земли свет становится веществом, т.е. совершается обратный процесс (масса Земли со временем возрастает, Земля «разбухает», материки «разъезжаются»; наш известный астрофизик Н. Козырев, изучив большой фактический материал, пришёл к выводу, что за последние 250 – 300 млн. лет масса Земли выросла в 8 раз). Наверное, бессмертной душе было бы мучительно облечься в подземный пламень – в то поле, которое становится веществом. Если эта гипотеза верна, то подземное существование ада приобретает черты вовсе не метафорические.

Эта гипотеза, впрочем, оставляет наши души в пространственно-временном мире до Страшного суда (после которого «времени больше не будет», а значит – и тел не будет, сотканных из времени). Поэтому чуть выше и появилось утверждение: переход в вечность сразу после смерти нашего земного тела – не факт.

КРЫША

Здесь впервые появляется слово «ауфхебен», смысл которого объяснён выше. Слово «ауфхебен» здесь поясняется такой нехитрой сентенцией: «Непрактичные... как-то так исчезают, что остаются». Наверное, непрактичность русских можно истолковать так: приверженность прежде всего духовным интересам – сокровищам небесным (в ущерб сокровищам земным). А если уж нет духовных интересов, то лучше, мол, в пьянку вверх ногами, чем сидеть и деньги копить, мошну набивать, скупать яхты, футбольные клубы и прочие аксессуары внешне успешной жизни.

Этим мы, к счастью, отличаемся от тех же англо-саксов, коих духовно поработили торгаши и ростовщики. Закат Европы, её смерть... духовная смерть. Тут я мог бы сослаться на Шпенглера, Тойнби и прочих западных знаменитостей, но лучше помяну нашего русского православного человека: «Нужно лишь ясно сознавать, что столь прославляемая ныне западная цивилизация есть не что иное, как стремление к абсолютной полноте наслаждения СОКРОВИЩАМИ НА ЗЕМЛЕ. И так наз. прогресс – отыскание всё более совершенных средств к овладению такими сокровищами.

...Следует лишь уточнить, что к земному относятся не только непосредственные материальные блага и связанные с ними чувственные наслаждения, но и порою отказ от исключительно материальных ценностей ради, напр., земной власти (вспомним внешний аскетизм многих тиранов и деспотов), славы, тяги к самоутверждению в обществе и т.п. Даже то, что иным представляется принадлежностью чисто духовной сферы, – также может стать ценностью чисто земною. Например, эстетические переживания, превращаемые в самоцель – ради эгоистического душевного наслаждения. Или любовь, понимаемая как обладание (не в физиологическом только, а и в нравственном смысле). Даже нравственные поиски, когда они совершаются ради отыскания средств для более благополучного земного обустройства, – и они могут оказаться бездуховными в

своей основе. Так случилось со Львом Толстым, например, отвергшим мысль о спасении, а из всего учения Христа воспринявшим лишь моральные постулаты, которые он хотел именно приспособить для устройства общественного бытия, но ценность которых в отрыве от Божественного Откровения оказалась весьма сомнительной. Сокровищем земным может оказаться в умах людей и Церковь Христова, когда её начинают рассматривать, подобно иным политикам-прагматикам, лишь как средство, пригодное для использования в борьбе за власть» (М.М.Дунаев. Православие и русская литература. М., 2001. Ч. I – II. С. 11 – 12).

ЧЕРТОПОЛОХ

По народным поверьям, чертополох чертям ненавистен. Впрочем, это из дохристианских представлений.

Цитата: «Освобождение от страха, свобода... Если б вы знали, как просто. Но я бессилён объяснить что-либо прямо сейчас. Вы не будете слушать. Всему своё время».

Кто услышит? Нам сказано: Господь спасёт тех, кто просит о помощи. Бог создал нас свободными, а потому никогда не покушается на нашу свободу. И услышит лишь тот, кто хочет слушать. Тот, кто свободно пришёл и приготовился слушать. Кого Бог привёл? Но мы... Если уж Христа забываем, то что уж там говорить об авторе этого текста – грешном и убогом человечке. Впрочем, раз уж взялся за гуж – продолжу.

Я имел в виду страх смерти. В древних катакомбах первые христиане оставили такую надпись: «ЛЮБОВЬ ПОБЕЖДАЕТ СМЕРТЬ». Значит – и страх смерти. Если сумеешь вместить в свой душевный сосуд пламень божественной любви – обретёшь бессмертие в Царстве небесном. Мы с Марией вместили? Мне скажут об этом после смерти телесной. На частном суде. А пока остаются молитва и покаяние.

Где ж ещё можно научиться любить, как не здесь – на Земле? Только здесь (не в раю или аду) можно пожертвовать собой за други своя. А выше такой любви не бывает. Именно здесь, среди болезней, страданий и бед, может воссиять в наших душах свет жертвенной любви. Тут я могу сослаться и на патриарха Кирилла: «Любовь всегда связана с жертвой. Где любовь – там и способность пожертвовать собой, а где нет любви – нет и жертвы. Господь наш Иисус Христос пришёл в мир и пожертвовал Собой ради людей. Так по Его образу хороший муж отдаёт себя жене, жертвует собой – своим временем, своими средствами и многим другим, а хорошая жена жертвует собой ради мужа – и временем, и благополучием, и порой даже здоровьем, отдавая силы своей семье. Мы хороши по отношению друг к другу, когда даём, а не принимаем. Способность отдавать и есть свидетельство любви» (Православная газета. 2009. №8).

Когда речь идёт о смерти, можно исследовать проблему и с помощью логико-грамматических средств. Атеистам нравится отождествлять смерть и ничто. Жизнь, мол, – это «что», а смерть – «ничто». Правильнее бы, конечно, написать так: если жизнь – это «что», то отрицание жизни – это «не-что». Тут уместна отрицающая частица НЕ. Однако мало подвергнуть «что» отрицанию. Мы скажем, например: это не-шкаф. И тут же уместен вопрос: если это не-шкаф, то что это? Стол, стул, комод? Отрицание «не» – это что-то вроде знака МИНУС, который сам по себе хождения не имеет, а только при какой-либо величине.

Что такое ничто (не-что)? В именительном падеже два вопроса: кто и что. То есть не-кто – это что, а не-что – это кто. Если наша земная жизнь представляет собой «что», то «не-что» (ничто) – это Кто. Церковь учит, что здесь, на земле, падшее человечество находится в состоянии духовной смерти, ибо изменило Богу и пошло за дьяволом. Без Бога наша земная жизнь ничтожна, именно её можно характеризовать как «ничто». Если же мы сумеем обрести жизнь вечную в Православной церкви, то после смерти телесной приобщимся к Тому, Кого одного можно воистину наименовать Кто. Достоинно причащаясь Тела и Крови Христа, мы уходим из состояния духовной смерти («ничто») в жизнь вечную.

«Освобождение от страха, свобода». Церковь говорит устами св. Иоанна Богослова: «В любви нет страха, но СОВЕРШЕННАЯ любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершен в любви» (1 Иоан. 4, 18). Но кто из нас совершен в любви? Поэтому иногда лишь страх смертного часа помогает нам не грешить и молиться: Господи, помоги.

В конце главы «Чертополох» речь идёт о теоретиках физики Ньюtone и Гюйгенсе. Это

были яркие представители изначной, вырожденческой, формально-логической эры. Абстрактно-алфавитная эра умеет мыслить антиномиями, тогда как формальная логика берёт во внимание лишь одно из двух суждений антиномии, пытаясь зачеркнуть другое. Ньютон утверждал: свет – это частица (корпускула), но ни в коем случае не волна. Гюйгенс говорил: свет – это волна, а вовсе не частица. В их лице эпоха продолжала превозносить односторонние принципы, ИБО ОНА СТАЛА НА ПУТЬ ОТВЕРЖЕНИЯ ПРАВОСЛАВНЫХ ДОГМАТОВ. Эта эпоха последовательно ЕРЕТИЧНА, потому что наследует логику ариан и монофизитов. Первые провозглашали: Христос – это человек, но никак не Бог, а вторые: Христос – это Бог, но никак не человек. Здесь торжествуют те же самые односторонние принципы мышления, что и в тезисах Ньютона и Гюйгенса. На язык обыденности их можно перевести так: монета – это либо орёл, либо решка. Одно из двух... Ньютон говорит: монета – это орёл, но никак не решка. А Гюйгенс возглашает: монета – это решка, но никак уж не орёл.

О ЗАРЕ

«Иона анализирует: видел я все дела, что делаются под солнцем, и вот – всё это тщета и ловля ветра». Это Экклезиаст, Ветхий Завет. Он учит нас: если мы живём на земле безбожно (без Бога), то все наши дела – бессмысленная суета, тщета. Современному Ионе (Ионину) этого не понять, он способен лишь с псевдо-глубокомыслием цитировать тексты. Какая разница, он готов тут же процитировать и Платона: «А то, что здесь и средь этого мира, есть падение, изгнание и потеря крыльев».

Если Ионин начнёт комментировать эти тексты, то непременно получит такой вывод: в мире сем всё суета, поскольку здесь мы в падении и изгнании, а значит – ешь, пей и веселись, потому что завтра умрёшь. Паки и паки: если нет Бога и бессмертия души, то всё позволено. Герман Ионин, воцарившись на Земле, скоро сделает нашу планету непригодной для жизни, ибо материальные потребности, не ограничиваемые Божьими заповедями (например, такой: не можете служить сразу и Богу, и маммоне), – безбрежны. Если человек дозволяет себе недозволенное, то очень быстро приходит смерть – физическая и духовная.

Ещё цитата: «Ясно, что ЗАТОПИТЬ можно печку и улицу, развести огонь и залить водой. Если жарко и холодно... Но это ж полдела».

Почему ПОЛдела? Потому что фраза застряла на антиномии, а надобно перейти от неё ещё и к умозаключению типа гегелева В – О – Е (всеобщее – особенное – единичное). Антиномия: 1)затопить – это развести огонь, 2)затопить – это залить водой. Чтобы перейти к умозаключению, надо соотнести огонь и воду – и получится пар:

затопить – огонь/вода = пар.

ЗЕМЛЯ

«Это, наверное, совсем не Иона». Конечно же, это не библейский Иона, в конце концов пришедший в Ниневию и, по воле Божьей, призвавший её к покаянию. Ниневитяне покаяться – и милость Божия благословила их, избавила от проклятья (а ведь и они могли попытаться убить Иону, как фарисеи и саддукеи – Христа). Господь наш Иисус Христос сравнивал Свою миссию с делом Ионы («здесь больше Ионы»), но ниневитяне покаяться, а иерусалимцы – нет. «Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! Сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели!

Се, оставляется вам дом ваш пуст» (Мф. 23, 37-38).

ДЕРЕВНЯ

Это кусочек воспоминаний Марии. Кто-то мне сказал: «Так не бывает, чтобы дом тополя держали. Корни тополя разрушают фундамент дома».

Но это ж «родословные тополя»! Наши корни... Они нас питают, поддерживают дом нашей души, её храм.

Здесь ведь тоже иносказание...

ДЕРЕВО

«Ветер нельзя показать, схватить рукой или потрогать, но он существует». Это когда-то

древние индусы объясняли людям, кои доверяют только своим органам чувств: зрению, слуху, осязанию... Объясняли: Бога нельзя показать, схватить рукой или потрогать, но Он существует.

Он – Сущий, Он – Логос, Он – Дух. Апостол Иоанн Богослов: «Ибо три свидетельствуют на небе: Отец, Логос и Святой Дух; и сии три суть едино» (1 Иоан. 5, 7).

ВРЕМЯ

«Сидела старуха в железном лесу», – строка из скандинавского «Пророчия вёльвы».

И ещё наша цитата: «Будущее – ничто? Меон, укон? А прошлое?» Что такое меон и укон? В греческом языке два вида отрицания бытия («он»): «ме» и «у». Укон – это полное отрицание бытия, абстракция чистого ничто. Меон – это невыявленное бытие, бытие-возможность (сегодня мы бы сказали: виртуальное бытие). Будущее и прошлое, наверное, меональны, но Бог творит мир из укона.

Впрочем, если перевести разговор в область математики, то «ничто» здесь – нуль. Ничто и нуль здесь синонимы. Надо бы ещё уразуметь, что нуль есть нуль лишь в соотношении с бесконечностью (как левое есть левое лишь в соотношении с правым). И тогда творение мира Богом можно математически представить (что и делали средневековые богословы) как соотношение бесконечности и нуля. Причём соотношение $\infty/0 = 1$, тогда как при инверсии возникает «не-единое»: $0/\infty = \text{множество}$. Можно истолковать эту математическую единицу как мир невидимый (качество), тогда множество – это мир видимый (количество). И далее:

1 (множество) – качество/количество = мера
множество (1) – количество/качество = счёт
мера (счёт) – акт/потенция = система исчисления
счёт (мера) – потенция/акт = числовой ряд.

Наша обычная система исчисления (из девяти цифр и нуля) начинается нулём, а закончиться должна бесконечностью, символом бесконечности (∞). Нуль и математическая бесконечность – это две крайности, два предела: 0, 1, 2, 3, ... 8, 9, ∞ . Совсем не нужно задвигать бесконечность куда-то в неопределённую даль числового ряда, ибо бесконечность – сразу за девяткой, как нуль – перед единицей. Вместо одиннадцати можно написать $\infty 1$, вместо двенадцати – $\infty 2$ и т.д.

У св. Максима Исповедника можно прочесть: «Бог сам есть виновник и ничто, ибо всё, как последствие, вытекает из Него, согласно причинам как бытия, так и небытия, ибо само ничто есть ограничение, ибо оно имеет бытие благодаря тому, что оно есть ничто из существующего» (S. Maximī scholia in lib. de div. nom., Migne, IV, 260 – 261).

Атеисты полагают, будто мир (космос) эволюционирует сам по себе – в качестве кауза свои (причины самого себя). Однако такой эволюционист должен знать вот что. Мы не скажем ему: это невозможно, ибо современная наука не оперирует терминами «возможно» и «невозможно». Она исчисляет вероятность того или иного события. Так вот, вероятность того, что живая природа возникла в порядке самопроизвольной эволюции из неживой, аналогична вероятности следующего события. Представим, что в огромную кучу мусора упала бомба, после чего самопроизвольно возник современный воздушный лайнер «Боинг-747». Если вы очень верующий атеист, то, конечно же, уверуете в реальность такого происшествия. Но тут уж такая вера в чудеса, которой позавидует любой христианин.

Ещё цитата: «Ибо никогда в этом мире ненависть не прекращается ненавистью». А чем же она прекращается? Любовью.

ЛЮБОВЬ

«Кто освободит нас от ненависти?» Бог освободит нас, если мы сами попросим Его об этом. Бог наделил нас свободой, ибо без неё невозможна любовь. Несвободная механическая кукла любить неспособна. Риск свободы во имя любви... Попробуйте кому-нибудь приказать: «Полюби меня сейчас же!» По приказу не любят, не так ли? Но свободный человек может свободно упасть лицом в грязь, что и произошло с Адамом и Евой. А мы?

«Любовь долготерпит... милосердствует... любовь не завидует... любовь не превозносится, не надмеается, не безчинствует... НЕ ИЩЕТ СВОЕГО, не раздражается, не мыслит зла. Любовь всё покрывает, всему верует, всего надеется, ВСЁ ПЕРЕНОСИТ... Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится», – всё это сказал апостол Павел.

Лишь тот наследует Царство небесное, кто научился любить. Как научиться? Долгий разговор. Но вот где намёк: носите тяготы друг друга – и так исполните закон Христов.

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ

Эту свою лебединую песню Мария написала в больнице, полагая, что после операции умрёт. Сейчас там одни стены стоят – больница как после бомбёжки: провалилась крыша, полы, всё обгорело...

ПИСЬМО

Мария, крещёная в детстве, в свои зрелые годы вернулась в Церковь: в последние годы своей жизни на земле исповедовалась, причащалась, соборовалась. Конечно, при этом мы хотим и физически исцелиться, но не это главное. Главное – хотя бы на исходе души повернуться лицом к Богу, отвлечься от мелочной земной суеты. Земная жизнь скоро проходит (Мария однажды сказала: «Как быстро...»). И приходит Вечность, в которую нужно успеть войти ещё здесь, пребывая во времени. Как войти? Конечно, не оккультным образом, но через Церковь Христову в любви к Богу и ближним.

Мария так и вошла. Она, как каждый из нас, иногда падала лицом в грязь, но в конце концов вставала – с Божьей помощью. За два месяца до исхода души Бог дал ей в помощь Ангела, коего она узрела очами. И с его помощью духовно преобразилась.

БОЛЬ

«Очищение молитвой и покаянием? Иначе как просто: наведаясь к старой знахарке и оставил там боль».

Церковь не советует ходить к знахарям и экстрасенсам. Это плохо для души и тела – в лучшем случае одно лечим, а другое калечим. Церковь сама может помочь в таинстве елеосвящения (соборования); при этом важны наши вера и покаяние. «Вера твоя спасла тебя», – говорил Господь.

Есть много молитв – и даже «Канон о болящих». Вот его небольшой кусочек: «Господи милостиве, Твоя преславная чудеса да и до нас ныне достигнут: бесы прожени, недуги погуби, раны исцели, болезни уврачуй, и потворы и чародеяния и всякия язи избави ны. ...Избави, Богородице, от обышедших ны печалей, различных недуг, отравы же и чародейства, и бесовского мечтания, и от навета злых человек, и от напрасныя смерти молим Ти ся».

БАШНЯ

«Всё узнаем потом, а пока: наряд, лицо и изнанка. Наряд с лицом и изнанкой? Наряд – красота и порядок. В переводе на русский: космос, косметика... Прелестно вселенское платье».

Греческое слово «космос» в переводе на русский язык, во-первых, «красота» и, во-вторых, «порядок». Соответствующее древнерусское слово – это «наряд». Наряд – тоже порядок и красота. Любой наряд, как и космос, можно вывернуть наизнанку, как во время некоторых игрищ выворачивают наизнанку тулуп. Деятели, выворачивающие ситуации наизнанку, – конечно же, сатана и слуги его. Вывернуть наизнанку – значит подвергнуть инверсии. Герман Ионин в нашем произведении выступает в роли кванта инверсии...

ЭТНОГРАФИЯ

«Потом деревянные часовни. Внутри картины вместо икон. Эстетика? Ренессанс, человек вместо Бога».

Здесь всё о том же: Ренессанс – это начало изнаночной эпохи в Западной Европе (которая ныне завела человечество в тупик, точнее – на помойку). На первый план вместо ликов-икон вылезли лица-портреты и личины, бесовские хари, карикатуры. Вместо мистерии – трагедия и комедия, вместо богослужебного языка – литературный язык и жаргон. Причём стоит лишь «отменить» богослужебный язык, как даже и литературный язык превратится в жаргон, лицо – в личину (если «убрать» лик), трагедия – в комедию и пародию (если упразднить мистирию).

«Вифлеемский плач» – что это такое? Царь Ирод велел убить всех младенцев в Вифлееме, ибо надеялся таким образом расправиться с Христом. Сегодня мы сами убиваем своих детей. При

этом иногда жалуемся: хорошие люди перевелись, никто «в верхах» о нас не заботится, где наши благодетели? Господь мог бы ответить: «Вы убили их в утробе матери».

Прости нас, Господи...

ЖАР-ПТИЦА

«Бернары... Достукались» – это из «Братьев Карамазовых» Достоевского. Бернарами, сколько помню, обозвал Дмитрий Карамазов естествоиспытателей-атеистов, пытавшихся заменить живую человеческую душу «хвостиками».

УРОКИ

«Кузеванов сошёл с ума и выскочил на ходу из поезда». Да, бывает... Есть люди, которые не могут долго находиться в поезде. Собственно, мы все сели в поезд потребительской цивилизации и отправились в известном направлении (к обрыву). Сошли с ума? Да, сошли с ума, потому что не прыгаем на ходу. Куда? В Церковь, в аскезу, в покаяние.

Вот где-то я прочитал: «Четко определить границу, отделяющую обычное душевное заболевание от демонической одержимости, трудно... Суть большинства психических патологий во многом остаётся загадкой. В них чаще обнаруживается ГИПЕРТРОФИЯ ГРЕХА (самолюбия, гордыни, замкнутости на себе), и излечение тесно связано с духовной и нравственной жизнью больного, как отмечал изобретатель инсулинового лечения Дж. Фергюсон. Важно помнить также, что в Евангелии ВСЯКИЙ недуг рассматривался как проявление разрушительных (бесовских?) сил мироздания».

ЗАБОР

«Приготовляя мёд, собирают они соки разных деревьев, и эти соки не различают себя там», – это древнеиндийское измышление, сообщающее нам, будто после смерти личность каждого из нас исчезнет в Боге. Пришлось возразить: «Так ли? Я разделяю ваше мнение... соединяю моё и ваше. Разделяя соединяю... Там не исчезнут Борис и Мария». Здесь вовсе не мои личные логические рассуждения, но способ мышления Православной Церкви, отчасти разделяемый сегодня даже современной наукой, исследующей природу. Тут можно сослаться на св. Григория Богослова: «Бог разделяется, так сказать, нераздельно и сочетается раздельно; потому что Божество есть Единое в Трёх» (Цит. по: Вл. Лосский. Очерк мистического богословия Восточной Церкви//Мистическое богословие. Киев, 1991. С. 128).

Церковь понимает, что любое понятие (если оно действительно понятие) – двуполусно, как магнит, либо «двузарядно», как электричество: «неслиянно и нераздельно», «бесстрашный страх», «невеста невестная» и т.д. Да вот и у св. Феофана Затворника: «Обычно мы говорим: душа – душа. А по существу дела следовало бы говорить: душа – дух, или дух – душа» (Святитель Феофан Затворник. Наставления в духовной жизни. М., 1993. С. 61).

Ещё цитата: «Прости мне, Господи, многочтение, многознание, прелесть книжную и забвение единого на потребу. Египет и Грецию, Индию и Рим, Месопотамию». Конечно, забвение единого на потребу – то есть самого главного в этой нашей земной жизни – повергает нас в духовную смерть. Но знакомство с языческой мудростью вряд ли предосудительно, если от неё мы переходим к мудрости православной, святоотеческой. Вот что пишет, например, св. Василий Великий: «Красильщики назначенное к окраске приготовляют сперва особыми способами и потом наводят цвет; подобным образом и мы, чтоб добрая слава наша навсегда оставалась неизгладимой, посвятив себя предварительному изучению сил внешних писателей, потом уж начнём слушать священные и таинственные уроки и, как бы привыкнув смотреть на солнце в воде, обратим, наконец, взоры к самому свету. (...) Славный Моисей, которого имя за мудрость было весьма велико, сперва упражнял ум египетскими науками, а потом приступил к созерцанию Сущего. А подобно ему и в позднейшие времена о премудрости Даниила повествуется, что он в Вавилоне изучал халдейскую мудрость и тогда уже коснулся Божественных уроков» («Советы юношам, как получать пользу из языческих сочинений»).

Таким образом, кое-что полезное можно найти в письменной премудрости любого народа, особенно если смотришь на неё с вершины Христианства.

СОН

Снам, конечно, лучше не верить. Особенно если они обещают тебе славное будущее – в этом или ином мире. Поверил – и вот уже тщеславие поработает твою душу. Но иногда Ангел-хранитель во сне предупреждает о грядущей опасности, грозящей тебе или ближнему.

И вот ещё полезная цитата из писаний святителя Николая Сербского (Мысли о добре и зле): «Пусть сны тебя научают. Ибо и сны – посредники, с помощью которых душа может умножить познание самой себя.

В снах человек часто приходит к познанию своих чувств, грехов, страстей, сил и немощей, недостатков и достоинств более тонкому, чем при исследовании наяву.

Сны – таинственная книга, которую душа постигает без чувств.

Душа сама собой создаёт в снах невероятнейшие ситуации, в которые себя ставит и через которые раскрывает твой характер.

Сны предупреждают, предсказывают, награждают и карают. Через некоторые сны душа тебе приоткрывает тайну своей всесильности, всезнания, предвидения и свободы.

Сны – это и пророчество о будущей жизни, в которой душа будет свободной от законов физического мира.

О своих снах больше думай, а меньше говори. Потому что большинство снов своих ты один и можешь понять, поскольку ты один знаешь свои самые сокровенные желания, устремления и тревоги. А именно это самое сокровенное душа сильнее всего и переживает, оттого-то его и разрабатывает в снах и представляет тебе в драматических картинах и фантастических ситуациях.

Так что пусть и сны тебя научают» (Православная газета. 2009. №4).

ТОСКА

«Гулящий, хитроумный и... и... медоточивый Ионин. Обезьяна Бога, квант дерзкой инверсии». Ежели есть инверсия, то должен быть и её носитель. Сатана, выворачивая ситуации (и даже эпохи, как в Европе 500 лет назад) наизнанку, использует для этого людей определенного склада. Вывернуть наизнанку – значит подвергнуть инверсии. Люди, под влиянием сатаны выворачивающие нечто наизнанку, создают пародию на оригинал. Пародия – это внешность без сути, передразнивающая Бога или человека обезьяна.

ВЕТЕР

Ветер, Руах, Дух Божий... Ветер веет, где хочет, и голос его слышишь, и не знаешь, откуда приходит и куда уходит. Так и рождённый от Духа.

Господи, даждь ми смирение, целомудрие и послушание. Даждь ми терпение, великодушие и кротость.

12. 03. 09.

